

<http://shilova.eksmo.ru>

криминальная мелодрама

Юлия ШИЛОВА

Всегда в центре внимания!

Предсмертное желание,
или Крутой поворот
судьбы

Юлия Витальевна Шилова
Предсмертное желание, или Поворот судьбы

OCR Roland; SpellCheck Galathea
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=143360
Предсмертное желание, или Поворот судьбы: АСТ; Москва; 2004
ISBN 5-17-013451-7

Аннотация

Зачем человеку тень?

Она возненавидела тот день, когда сестра-близнец нашла ее.

В этот день рухнули все ее надежды: о деньгах, о славе, о любви, о богатом муже!

Она не хотела вновь вернуться в нищету, из которой недавно вылезла, но сестра перешла ей дорогу.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	20
Глава 6	30
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Юлия Шилова

Предсмертное желание, или Поворот судьбы

Моей замечательной подруге Виктории Н. с любовью и благодарностью посвящается этот роман.

Глава 1

Подойдя к зеркалу, я припудрила нос и подкрасила губы. Посмотрев в очередной раз на свое отражение, я тихонько всхлипнула и смахнула слезы. У меня красивое лицо, быть может, даже слишком... Роскошные черные волосы, бархатная золотистая кожа... Я не хотела и не могла верить в то, что спустя какое-то время это лицо может потерять свою притягательную красоту.

– Ну что ты опять крутишься у зеркала? – донесся до меня раздраженный голос моего мужа. – Вбила себе в голову, что неизлечимо больна... Меня уже трясет от твоего зареванного вида. Тебе не онколог нужен, а психиатр. Может, он вправит тебе мозги...

– Мне ничего не нужно вправлять! – возмутилась я, – Ну почему ты не хочешь поверить, что я очень больна?! Я болею, Андрей, пойми... Я очень больна...

– Ерунда! Такие, как ты, не болеют. Такие живут долго и умирают только от старости.

– Это совсем не смешно. Тебе не кажется, что ты очень жесток?

– Наверно, ты просто не видела жестоких мужчин... Я, по сравнению с ними, просто ангел.

– Ты никогда не был ангелом. Никогда. Мы живем с тобой уже шестой год, и с каждым годом ты становишься все хуже и хуже.

– Не нравится, ищи другого. Я никогда тебя не держал! Никогда! И не разыгрывай драму. Ты совершенно здоровая и сильная женщина! Ты же на больную совсем не похожа!

– Спасибо тебе, Андрей, – безжизненным голосом произнесла я и опустила в кресло.

– За что?

– За то, что ты такой чуткий, добрый... Такой человечный. Спасибо за моральную поддержку.

Я чувствовала, что в любой момент могу сорваться на крик.

– Решила съязвить?! Что ж, у тебя это хорошо получается. Если бы ты только знала, как я от тебя устал.

Андрей вышел в коридор и принялся обуваться. Я бросилась следом и загородила входную дверь:

– Андрюш, ты куда?

– Какая тебе разница?

– Как это – какая разница? Я же твоя жена.

– Ну и что?

– Как это – ну и что?! Я должна знать, куда ты собрался.

– Я уйду по своим делам.

– По каким еще делам?! Ты говорил, что сегодня свободен и обещал съездить со мной в больницу. Ты же знаешь, как я боюсь... Мне нужно, чтобы ты был рядом.

– Извини, дорогая, но у меня появились неотложные дела. Будь хорошей девочкой, не втягивай меня в эту малоприятную историю.

– Андриюшенька, не уходи! – взмолилась я, пытаюсь одолеть охватившую меня дрожь.
– Вика, ради Бога, не устраивай истерик... Дай пройти, – равнодушно проговорил он.
– Ты можешь просто так взять и уйти?! Оставишь меня в таком состоянии одну?! Чел-
ноков, ты редкая сволочь...

– Вместо того чтобы меня стыдить и мотаться по больницам, занялась бы лучше собой и хоть немного скинула вес. Ты стала похожа на вечно ноющую жирную корову.

– Ты всегда был щедр на комплименты... – пробормотала я.

– Плевать мне на то, что ты думаешь.

– В последнее время ты слишком много плюешь... Неужели тебе так нравится делать мне больно? Мне нет необходимости худеть, у меня прекрасное тело.

– Вика, отойди от двери, – повторил он, будто не слышал моих слов.

– А если не отойду?

– Тогда мне придется тебя отодвинуть.

Я отошла от двери и, опершись о стену, медленно опустилась на пол. Я надеялась, что муж сейчас сядет рядом, крепко обнимет меня за плечи, успокоит, а я, конечно же, растаю и прощу ему все на свете. Главное, что он рядом... Потом мы поедем в больницу, он будет держать меня за руку, и мне не будет страшно. Но он даже не посмотрел и, громко хлопнув дверью, ушел. Я обхватила колени руками и дала себе волю – громко заревела.

Мне всегда хотелось верить в то, что он меня любит. Ну хотя бы самую малость... Однако жизнь постоянно доказывала обратное. Я никогда не чувствовала себя любимой. Теперь, когда я узнала о своей страшной болезни, было особенно одиноко. С каждым днем мне становится хуже и хуже. Лимфогранулематоз... Господи, какое ужасное название! И не выговоришь. Правда, диагноз еще под вопросом, но если он подтвердится... Заболевание лимфатической системы. С этим живут недолго. Боже мой... И самый близкий, родной человек даже слышать не хочет о твоей болезни! Так хочется быть любимой. Просто хочется и все. Говорят, чтобы быть любимой, нужно говорить не о том, что занимает тебя, а о том, что занимает любимого. Я всегда внимательно слушала своего мужа, была просто искусной слушательницей. Он никогда не вникал в мои переживания, говорил только о себе. В любви мужчина стремится не к войне, а к миру. Понимая это, я всегда была нежной и кроткой. Ведь ничто так не выводит мужчину из себя, как агрессивность женщины. Амазонок обожают, но не обожают.

Смахнув слезы, я с трудом встала с пола и вновь подошла к зеркалу. И все же, несмотря ни на что, я чертовски красива! Только вот, на сколько хватит моей красоты?

Я даже не помню, как все это началось. Слабость, головокружение, небольшая температура, непонятные растущие уплотнения под мышками... А затем эта ужасная потливость, резкий отвратительный запах. Этот запах преследовал меня, как ни пыталась я избавиться от него. Я знала, что больна, но не хотела верить, что возможен такой диагноз. Бесконечные анализы, душные врачебные коридоры, жуткие очереди... И вот теперь – только душевная боль и удручающее одиночество. Если бы мой муж меня любил, было бы немного легче. У нас двоих было бы ровно в два раза больше сил, мы смогли бы скрутить черту рога и победить болезнь. Так хотелось почувствовать рядом сильное мужское плечо, хоть какую-то поддержку. Все пять лет нашего брака я тянула двоих: своего сына и своего мужчину. Я всегда хотела быть сильной, потому что мне хотелось иметь возможность быть слабой. Я не жалею о своей судьбе. Я принимаю ее такой, какая она есть. Господь нам дает именно столько испытаний, сколько мы можем вынести.

Если бы мне выпала сладкая доля, я бы, наверное, многое не понимала в жизни. Да, я часто спотыкалась, падала, но всегда поднималась, и шла вперед. Я страдала от своих ошибок, но исправляла их сама. И я знала: главное – нельзя давать озлобиться душе. Ведь

всегда рядом с нами и ангел, и дьявол. Чем слабее человек, тем сильнее дьявол. Теперь в моей жизни возник очередной барьер – болезнь. Что ж, я должна справиться и с этим.

Я быстро переоделась и поехала в больницу. Не помню, что я почувствовала в тот момент, когда узнала, что диагноз подтвердился. Странно как-то получается... Жила-была чудная озорная девочка по имени Виктория... Прошло время, и эта девочка превратилась в интересную женщину все с тем же красивым именем, а затем эта молодая, полная сил и энергии женщина узнает, что больна страшной, почти неизлечимой болезнью. Что это? Наказание сверху? Тогда за что? Я никому не делала зла и в эту рулетку под названием «жизнь» играла только по честным правилам. Даже не помню, как я добралась домой. Перед глазами плыло, мысли путались, на душе была жуткая пустота. Упав на кровать, я обхватила подушку и стала ждать Андрея. Сейчас он вернется, сядет рядом и успокоит меня. Теперь все будет иначе. Диагноз подтвердился, и у Андрея нет оснований мне не доверять. Ведь он мой родной человек, он послан мне Богом.

Мне вспомнилось венчание с Андреем. Был восхитительный день, такой тихий, такой торжественный... Медленно падал пушистый снег, все вокруг походило на добрую волшебную сказку, приятно замирало сердце и перехватывало дыхание. Андрей устроил так, что мы венчались одни – мы не хотели венчаться вместе с другими парами. Я была безумно счастлива и тайком смахивала слезы ни с чем не сравнимой радости.

Желание любви – это желание Бога. Я никогда не боялась раствориться в сущности другого человека. Я всегда верила, что если я люблю, то меня обязательно будут любить, если я буду бояться, что меня обманут, то меня обязательно обманут, если я захочу много денег, то я обязательно их получу. Верила, что мысль материальна. Помню, с каким восхищением смотрели на нас приглашенные на венчание гости, и мы наслаждались этим. Какая-то богомольная бабка взяла меня под руку, наговорила кучу комплиментов и повела в другой конец храма. Там стоял гроб с покойником, которого собирались отпевать. Стоявшая неподалеку женщина испуганно взглянула на меня и сказала, чтобы я немедленно вернулась обратно. Это очень плохой знак, когда в церкви встречаются покойник и невеста. Мол, это знак свыше, знак того, что у пары не сложится семейная жизнь.

Я взглянула на часы. Время позднее, а Андрея все нет. Станные все же создания – эти мужчины. Сначала закидывают цветами, завоевывают, покоряют, а, добившись желаемого, забывают и об элементарном уважении, и о чувстве долга. А может быть, виноваты мы сами – выбираем не тех? А разве есть другие? Где же они? Что-то не встречаются. Время шло. Я, как неприкаянная, ходила из угла в угол. В голове проносились малоприятные картинки: вот мой Андрей раздевает какую-то молодую красивую девушку... Целует ее волосы, шею, грудь... Говорит ласковые слова... Нет, я не завидую ее красоте и молодости, все это у меня есть... Ее главный козырь – здоровье, которого у меня, к сожалению, нет.

Услышав звук поворачивающегося в замочной скважине ключа, я выскочила в коридор и бросилась Андрею на шею.

– Андрюшенька, ну что ты так долго?! – тихонько всхлипнула я. – Я уже не знала, что и думать.

– Ничего и не надо думать. Могла бы лечь спать. Я же сказал, что уехал по делам.

Я почувствовала запах женских духов. Это не мой запах. Это был запах чужой, щедро надушенной женщины...

Я отстранилась от Андрея и сказала каким-то чужим голосом:

– От тебя просто разит ужасными дешевыми духами.

– Не разит, а пахнет, – издевательски уточнил Андрей.

– Такие духи не пахнут, а воняют! – взорвалась я, быстро ушла в комнату и села на диван.

Не говоря ни слова, Андрей прошел следом за мной, сел рядом и закурил. Я долго молчала, нервно покусывая ногти. Наконец я не выдержала и заговорила первой:

– Ты голоден?

– Нет.

– Оно и понятно. Ты был у женщины?

– Да.

– Она красивая?

– Очень.

– Она ничем не болеет?

– Ты же знаешь, для посторонних женщин у меня всегда есть пачка резинок.

– Да, ты очень предусмотрительный. Но я имела в виду совсем не это. Мне сейчас и так не сладко, а ты делаешь еще хуже. Мог бы хоть немного меня пощадить и не рассказывать о том, что был у любовницы.

– Ты предпочитаешь вранье?!

– Иногда лучше сладкая ложь, чем горькая правда.

– Хорошо, если тебе так этого хочется, с этой минуты я буду врать самым наглым образом.

Андрей засмеялся. В его смехе я услышала истеричные нотки.

Мне хотелось громко разрыдаться, но я все же смогла взять себя в руки.

– Можно подумать, что ты не врал мне раньше, – сказала я. – Просто сейчас тебе хочется уколоть меня как можно сильнее.

– Ладно, родная, забудем. – Андрей обнял меня за плечи. – Ты значишь для меня намного больше, чем все вместе взятые женщины на свете. Послезавтра я уезжаю на целый месяц. Я бы хотел, чтобы ты поехала со мной. Ты рада?

– Куда ты уезжаешь? – едва слышно спросила я.

– На сплав. Я уже говорил тебе, но ты в последнее время так увлечена своими мнимыми болячками, что ничего не хочешь слышать. Мы поедем под Екатеринбург. Сплавлиаться будем по реке Чусовой.

Слегка отодвинувшись от Андрея, я взяла его за руку и сжала ее что было сил. Андрей слегка поморщился, но не издал ни звука. – Андрей, мы не можем поехать на сплав, – произнесла я словно во сне. – Мы не поедем на сплав, – повторила я.

– Почему?

– Потому что диагноз подтвердился. Завтра меня положат в онкологическую больницу. Я очень больна. По правде говоря, мои шансы ничтожны. Ты должен быть рядом, иначе мне просто не выкарабкаться.

– И как называется твоя болезнь? – с вызовом спросил Андрей.

– Лимфогранулематоз.

– Ты долго запоминала это навороченное название?

– Такой диагноз заучивать не приходится. Он намертво врезается в память. Проще говоря, это рак лимфы... Понимаешь?.. Это рак...

Андрей заметно изменился в лице и закурил.

– Ты хочешь сказать, что у тебя рак? – спросил он после затяжной паузы. – И ты поверила отечественной медицине?!

– Есть результаты анализов, и от этого никуда не денешься.

– Ерунда! Ты совершенно здоровая женщина!

– Ну почему ты не хочешь мне верить?

– Потому что ты вбила себе в голову невесть что, веришь каким-то анализам! Не надо думать о болезни, тогда и болеть не будешь. Так ты поедешь со мной на сплав или нет?

Меня охватило чувство беспомощности. Самый близкий человек не хотел понять меня. Я сползла на пол и обхватила колени руками.

– Андрей, Господи... Ну почему же ты такой жестокий? – словно в бреду шептала я. – Ну неужели в тебе не осталось ничего человеческого? Если бы ты заболел, я бы сутками сидела у твоей кровати и выходила бы тебя...

– Не нужно громких слов, Виктория. Я задал тебе вопрос, а ты на него не ответила, – раздраженно прервал меня Андрей.

Собрав последние силы, я сжала кулаки и процедила сквозь зубы:

– Я не поеду, с тобой. Завтра я должна лечь в больницу, потому что послезавтра может быть поздно...

– Не поедешь так не поедешь, – муж безразлично пожал плечами и встал с дивана. – жаль. Мое дело предложить... Я и не думал, что этот месяц мне придется провести без тебя. Мне хотелось, чтобы ты была рядом.

– Ты поедешь без меня? – спросила я голосом, полным отчаяния.

– Конечно, а ты сомневалась? Я еще не полный дурак и не собираюсь сидеть у кровати мнимого тяжелобольного и выслушивать полнейший бред.

– А сейчас ты куда собрался?

– Я снял квартиру. Переночую там.

– Ты снял квартиру?

– Представь себе.

– Но зачем?

– Затем, что мне хочется побыть одному. Я устал от тебя, от этой квартиры и от жизни, которую ты пытаешься мне навязать. Короче, я умываю руки. Появлюсь, когда посчитаю нужным.

Как только он открыл входную дверь, я бросилась в коридор и громко закричала:

– Андрей!!! Не оставляй меня одну!

Но я не успела. Дверь с грохотом закрылась. А может, я просто не хотела успеть...

Глава 2

Не помню, как прошла ночь. Утром приехал мой папа и повез меня в больницу. Я как могла держала себя в руках и старательно избегала взглядов отца. Я чувствовала себя виноватой и за свою внезапную болезнь, и за неудавшуюся семейную жизнь...

Где-то там, в другом измерении, осталась моя заботливая мама, мой единственный сын и мой непутевый муж... Впереди новая, неведомая мне ранее борьба, борьба за собственную жизнь, борьба за право находиться рядом со своими близкими. Я чувствовала себя паршиво. Сильно кружилась голова, меня подташнивало, я вся обливалась потом. К тому же эта жара. Тридцать с лишним градусов. Июнь месяц. Кто-то рванул на Кипр, кто-то в Сочи, а кто-то загорает на даче в ближайшем Подмосковье, и только я, словно маленькая девочка, иду за ручку со своим отцом и стараюсь держаться из последних сил, чтобы не потерять сознание. Улучив момент, я украдкой взглянула на отца и почувствовала, как сильно сжалось мое сердце. Мне показалось, что он состарился на десяток лет. Лицо осунулось, седые виски стали еще белее. Болезнь не щадит ни того, кто болеет, ни его близких.

В больнице нам пришлось долго ждать своей очереди в душном, неприятно пахнущем коридоре. Уставшие больные стояли, опираясь о стену, некоторые садились прямо на пол, кто-то постанывал от боли... Здесь были пожилые, молодые и совсем юные... Мы все были обречены, но очень хотели жить и, как утопающие, хватались за соломинку, надеясь на лучшее.

Отец тяжело вздохнул. Наши взгляды встретились, и я увидела в его глазах слезы. Он заговорил о себе, о матери, о том, как сильно они меня любят. Он говорил и плакал. Я слушала как замороженная и даже не пыталась его перебить. Для меня открылось что-то новое, родное и бесконечно близкое. Я поняла, что просто обязана выкарабкаться. Ради своих близких. И еще я поняла, что пронесу этот разговор через годы и каждый раз с содроганием сердца буду вспоминать слова отца, которые вселили в меня надежду и веру.

Меня позвали в приемный покой, и я попрощалась с отцом. Врач попросил меня лечь на кушетку и стал осматривать мои распухшие лимфатические узлы. Когда я увидела недоуменно растерянное выражение его лица, меня охватил панический ужас. Скоро вокруг меня собрался довольно приличный штат медиков. Они громко спорили, размахивали руками и говорили о том, что у меня не осталось никаких шансов... Мне хотелось крикнуть, что я еще живая, я все слышу и чувствую, что это очень жестоко, но силы оставили меня. Очнувшись я в палате. Я ничего не соображала.

– Не переживай, все будет нормально, – сказал кто-то рядом.

Я повернула голову. На соседней кровати лежала девушка.

– Вы это мне?

– Конечно, а кому же еще. Кроме меня и вас, тут никого нет. Палата двухместная. Тут только поначалу тяжело, а потом привыкаешь. Давай перейдем на «ты». – Девушка нервно улыбнулась. – При нашей болезни лучше не думать о тонкостях этикета. Тебя как зовут?

– Вика... Виктория...

– Красивое имя. Виктория – значит победа. А меня – Мила. Я тут уже целый месяц лежу.

– А что с тобой? – робко спросила я.

– Рак молочной железы. – Мила помолчала. – Самое страшное уже позади. Опухоль вовремя вырезали.

– Ты думаешь, у меня тоже есть хоть какой-то шанс?

– Конечно. Иначе бы тебя сюда не положили.

Шанс есть у всех, даже у самых обреченных больных. Держи себя в руках и не раскисай, – требовала она. – Тут главное – иметь деньги. Есть деньги – будут лечить. Нет денег – сдохнешь как муха.

– И много нужно денег?

– Много. Рак еще толком не изучен, поэтому покупаешь сначала один препарат, если он не подходит, покупаешь другой, пока не наткнешься на тот, который тебе нужен. Ты замужем? – неожиданно спросила она.

– Вроде бы да...

– А почему «вроде бы»?

– Мне кажется, муж от меня отказался... – Мила прикусила нижнюю губу и уставилась в потолок. Потом резко приподнялась и ударила кулаком о стенку.

– Суки! Господи, какие же они суки!

– Кто?!

– Мужики, кто ж еще! Тут пол больницы брошены! Сволочи, разыгрывают из себя невесть что, а сами – обыкновенные, жалкие и ничтожные гады! Будь моя воля, я бы их всех перестреляла! А еще бы повыдирила их вонючие яйца...

– Тебя тоже бросили?

– Меня нет. Я не замужем. Правда, есть у меня один крендель на примете. Хороший такой крендель, навороченный. Мой начальник.

– Твой начальник?

– Да, а что тебя так сильно удивляет? Он у меня бандит высшей категории. Умопомрачительный костюм, золотая цепь с собачий ошейник, тачка за сто тысяч долларов, самый настоящий замок в пригороде, квартира на Кутузовском... Если бы ты только знала, как мне нравится весь этот антураж!

– Наверно, он у тебя очень красивый.

– Он не красавец, зато красива жизнь, которую он себе создал. Красивые рестораны, в которых он обедает, курорты, на которых отдыхает, дамы, которые его окружают.

– Дамы? И ты не ревнуешь?

– Ревнуют те, у кого комплекс неполноценности, а я полноценная женщина.

– Ты работаешь секретаршей?

– Нет. Секретаршей я бы не выдержала и сутки. Я телохранитель. Охраняю своего босса и получаю за это вполне приличные деньги.

– Ты шутишь? – не поверила я своим ушам.

– Разве я похожа на любительницу пошутить? Девушки-телохранители уже давно вошли в моду. Ты только представь себе такую картинку: в один сверхнавороченный ресторан заходит до ужаса неформальный мужик, а рядом с ним – молодая красивая женщина. Все удивляются – такой известный человек и без охраны... Они принимают меня за любовницу. И тут появляется кто-то из его врагов, даже не подозревая, что я профессиональный телохранитель. Реакция у меня – что надо. В момент он окажется обезоружен, а может быть, даже и обезображен. Я в совершенстве владею боевыми искусствами и прекрасно стреляю из пистолета. У меня есть разрешение на ношение оружия.

– И ты не боишься?

– Нет. Это ж моя работа.

– А если нагрянет целая мафия да еще с автоматами?

– Тогда у меня другая задача – прикрыть патрона собой, довести его до ближайшего безопасного уголка и вызвать ментов. У меня есть телефон их подкупленного начальника. Начнут стрелять, я должна отстреливаться, пока тот с командой не явится. У моего шефа тоже пушка есть, и стреляет он не хуже меня. Правда, такого еще не было. Шеф очень боится за свою жизнь, поэтому я у него не одна. Часто с нами идет парочка здоровенных костоломов.

– Вот это у тебя работенка! Тебя же могут убить в любой момент...

– А куда мне деваться, если я ничего другого делать не умею? Работа рискованная, не спорю, но кто не рискует, тот не пьет дорогого шампанского. Женщины-телохранители сейчас в цене. Понимаешь, все обращают свое внимание на двух шкафообразных костоломов и не берут меня в расчет, принимая за бестолковую содержанку. Я сплю со своим шефом и надеюсь выйти за него замуж. Поэтому и охраняю его с тройным рвением. Если с замужеством не выйдет, скоплю денег и открою свою школу для девушек-телохранителей. Сейчас таких школ больше, чем бандитов. Правда, ничему дельному там не научат, бестолковщина одна.

– А если ты выйдешь замуж за своего шефа, разве сможешь его охранять? Тогда тебе самой понадобится телохранительница.

– Так это же здорово. Бизнес-дамы тоже пользуются нашими услугами. Кому придет в голову, что одна из двух якобы подруг – профессионал-телохранитель.

Мила замолчала и тихонько застонала.

– Ты что?

– Грудь болит. Вернее, то, что от нее осталось.

– И что, много вырезали?

– Немного, но ощущения не из приятных.

Скоро мне пришлось убедиться в этом. Биопсия еще раз подтвердила диагноз, и я согласилась на операцию. Помню, как долго и тяжело отходила от наркоза. Потом мне назначили химиотерапию. Я все ждала и ждала Андрея, но он так и не пришел. Видно, уехал на свою Чусовую. Я тяжело переносила физическую и особенно ноющую душевную боль. В эти страшные дни меня поддерживала только Мила. Однажды дверь в палату широко распахнулась, и к нам вломились два огромных мордоворота. За ними следовал тип не менее устрашающего вида, но в безумно дорогом костюме и ботинках из настоящей крокодиловой кожи. Я сразу догадалась, что пожаловал не кто иной, как шеф моей новой знакомой. Один из мордоворотов встал у балконной двери, другой замер у входа. Шеф поставил на тумбочку роскошную корзину ярко-красных роз и расплылся в улыбке. Мила слегка приподнялась и улыбнулась в ответ:

– Марат Владимирович, очень рада вас лицезреть. Спасибо, что не забываете меня.

– Да разве тебя можно забыть! – Шеф сверкнул своими недобрыми глазами и присел на краешек кровати. – Как самочувствие? Готовишься к выписке?

– До выписки еще далеко, но я не теряю оптимизма, верю – все будет хорошо.

– Это правильно. Оптимизм в наше время – самое главное. У тебя появился румянец. Я смотрю, у тебя новая соседка, – заметил он, окинув меня заинтересованным взглядом. Я слегка заерзала на кровати и испуганно опустила глаза. Раньше мне не приходилось видеть королей криминального бизнеса, тем более так близко.

– Это Виктория, – сказала Мила. – Совсем недавно ей сделали операцию.

Шеф сочувственно вздохнул и пробурчал себе под нос:

– Диагноз не спрашиваю. В этом мрачном заведении диагноз у всех один.

Немного посидев, шеф вежливо распрощался и удалился вместе со своими мордоворотами. Мила уткнулась в подушку и расплакалась. Я собрала последние силы, встала с кровати и подошла к Миле.

– Ты что? Ты же так хорошо держалась... – гладила я ее по голове. – Посмотри, какие роскошные цветы он тебе принес... Сразу видно, что он о тебе заботится...

– Да ни хрена он обо мне не заботится! Он пришел ко мне из жалости!!! – Моя соседка заревела еще громче.

– А разве у таких бывает чувство жалости? Мне кажется, что оно им вообще незнакомо...

Мила подняла голову и посмотрела на меня каким-то потерянным взглядом:

– Он пришел, чтобы дать мне понять, что больше не нуждается в моих услугах. Понимаешь, не нуждается и все. Ни в охранных, ни в сексуальных. Скорее всего, он уже успел меня уволить и взять на мое место другую. Возможно, она не так красива, как я, но она здорова... Только в этой гребаной больнице начинаешь понимать, что красота не самое главное. Самое главное – здоровье.

Неожиданно на пороге нашей палаты появился ослепительно красивый мужчина, похожий на какого-то зарубежного киноактера. Его белоснежный костюм был безупречен. Казалось, мужчина просто ошибся адресом, перепутал нашу больницу с каким-нибудь дорогим рестораном, где должен состояться грандиозный банкет. Шагнув в палату, он вдруг уронил на пол букет свежих роз и уставился на нас.

– Простите... А где мой сын? Он, что, умер?

Заметив, как бледность заливает его лицо, я не смогла произнести ни слова.

– Он жив, – торопливо заговорила Мила. – Вы просто перепутали палату. Ваш сын лежит точно в такой же палате, только в другом крыле. Больница построена в виде круглой башни, поэтому тут легко запутаться.

– Костя жив? – мужчина смотрел на Милу таким молящим взглядом, что нам обеим стало не по себе.

– Жив... – шепотом произнесла Мила. Мужчина наклонился и трясущимися руками собрал цветы.

– Извините, ради Бога, – пробормотал он и вышел.

– Сразу видно, породистый мужичок. Богачи все породистые, даже если и родословной никакой нет. У него тут сын лежит. Совсем молоденький, лет двадцать, не больше. Сказали, что протянет еще совсем немного.

– Он должен умереть?

– Должен. Рак крови. Он уже, бедный, весь высох... Прямо труп какой-то.

– Вот горе-то какое, – вздохнула я и закрыла глаза.

Мне представилось детство и ласковая мама, аккуратно расчесывающая мои волосы. Даже страшно подумать, что от химиотерапии мои волосы поредеют за считанные дни... Я испытывала комплекс вины перед родителями за свою болезнь, за свою неустроенность. Они прожили вместе уже около тридцати лет и смогли сохранить тепло семейного очага. Все эти годы я чувствовала огромную родительскую любовь и заботу. Мне хотелось сделать для них что-то приятное, как-то отблагодарить за любовь и поддержку. Я стала мечтать, что, когда выкарабкаюсь, обязательно заработаю денег и куплю дом где-нибудь на берегу Черного моря. Мама и папа будут отдыхать там целое лето и наслаждаться красотами Крыма. А я буду смотреть, как они купаются, и украдкой вытирать слезы радости. Мне представился этот домик. Его ступеньки будут спускаться к самому морю. Он будет просто утопать в зелени – самый настоящий райский уголок. Во дворе будет бегать моя любимая собака Зоська и лаять на соседских котов. Мой сын будет кататься на водном мотоцикле и весело махать мне рукой... Все это будет, все это обязательно будет. Только сначала нужно выкарабкаться, сначала нужно выжить...

Глава 3

Проснувшись, я пересилила головокружение и встала с кровати. Мила сладко спала и даже немного похрапывала. Вдохнув аромат подаренных ей цветов, я улыбнулась и вдруг подумала – начался новый день, пусть унылый, будничный, но совсем новый, еще не прожитый. Химиотерапия давала о себе знать. Ужасно выматывали постоянные приступы тошноты. Правда, некоторым назначали препараты, которые снимали приступы рвоты, но это стоило очень дорого – от тридцати до сорока долларов одна ампула. На курс лечения требовались вполне приличные деньги. Если приходила гуманитарная помощь, она просто расходилась по служащим больницы, которые, не стесняясь, торговали потом этими ампулами. У них они стоили немного дешевле, чем в аптеке. Такова реальность, и от этого никуда не денешься.

Я вышла в коридор. Стены были какого-то грязноватого бледно-зеленого цвета. Эту больницу и так называют домом смертников, а тут еще такие ужасные стены. Словно какой-то склеп, в котором и заболевших людей заживо похоронили. В конце коридора я увидела открытую балконную дверь. На балконе, в небольшом кресле, сидел совсем молодой парень.

– Я вам не помешаю? – нерешительно спросила я.

Молодой человек обернулся, но ничего не ответил. Он как-то странно смотрел на меня. Мне даже показалось, будто он смотрит сквозь меня.

– Ты хочешь жить? – неожиданно спросил он. – Хочу...

– Я тоже... Но мне осталось совсем немного... Может быть, намного меньше, чем я думаю.

– Ты это брось. Такой молодой, а уже помирать собрался, – растерянно пробормотала я.

– У меня рак крови, – продолжал парень. – Это не лечится. А так хочется еще хоть немного пожить. Хотя бы самую малость...

– Тебя зовут Костя?

– Да, а откуда ты знаешь?

– Твой отец перепутал палату и пришел к нам. У тебя очень красивый отец. Он артист?

– Он очень богатый человек. У него много денег. Жаль, что и за такие деньги меня нельзя вылечить.

Я стала успокаивать его. Голос у меня дрожал, я очень нервничала.

Мой новый знакомый взял меня за руку и с отчаянием заговорил:

– Послушай меня внимательно. Мне осталось жить считанные дни, а может быть, даже часы. Понимаешь? Это очень серьезно. Вчера я приоткрыл дверь ординаторской и услышал разговор отца с лечащим врачом. Они скрывают от меня правду, думают, что я ничего не знаю. Мне требуется твоя помощь.

– Моя? – опешила я.

– Ты должна мне помочь. Сама знаешь, просьба умирающего – закон.

На мои глаза навернулись слезы:

– А где гарантия, что я умру от старости? Может, от меня тоже что-то скрывают... Ведь ты совсем меня не знаешь.

– Ты выживешь. Я это чувствую... Ты обязательно выживешь и умрешь от старости. У меня есть деньги. Узнав о своей болезни, я сложил их в шкатулку и закопал на даче отца. Как только ты выпишешься из этой больницы, ты должна поехать на эту дачу и откопать шкатулку. Там ровно сто пятьдесят тысяч долларов. Двадцать из них твои. Адрес дачи написан вот на этом листке. Смотри не потеряй.

Молодой человек протянул мне листок, смахнул со лба пот и облизнул пересохшие губы.

– Только смотри, будь осторожна. Отец ничего не должен знать. На даче он бывает редко, в основном, по выходным. Лучше копать ночью, чтобы не увидели соседи. В нашем саду есть одна-единственная яблоня. Копай рядом с ней, не ошибешься.

– Господи, да что ты такое говоришь?! – воскликнула я.

– Знаю, что говорю, можешь не сомневаться. Я еще в здравом уме и твердой памяти. Спрячь листок. Выкопаешь шкатулку, двадцать тысяч возьмешь себе, а остальные деньги отвезешь моей любимой женщине.

– Любимой женщине?!

– Ты считаешь, что у меня не может быть любимой женщины?

– Нет, я так не считаю... Только при чем тут я? Ты мог бы ей позвонить, рассказать про деньги... Она бы их сама забрала. Так проще и намного надежнее.

– Может быть, но я так не сделаю.

– Почему?

– Потому что она не возьмет этих денег.

– А с чего ты взял, что она их возьмет от меня?

– Потому что меня уже не будет на этом свете. – Казалось, все это просто дурной сон. Какой-то нелепый, дурной сон... Хотелось только одного – чтобы он поскорее закончился. Сердце мое болезненно сжалось.

– Я предлагаю тебе хорошие деньги за эту услугу, и ты должна согласиться. Понимаешь, она любовница моего отца, но была близка и со мной. Нам было очень хорошо вместе. Мы встречались тайно несколько месяцев. Отец ничего не знал. А затем произошла небольшая ссора. Она назвала меня молодым сопликом и сказала, что я никто и зовут меня никак. Мол, я живу только за счет своего отца и ни на что не способен. Она поставила точку на наших встречах и стала меня избегать. С тех пор, как я заболел, ни разу не навестила меня. Мне всегда хотелось доказать, что я на что-то способен, что у меня могут быть собственные деньги. Я пошел на подлость и обокрал своего отца. Я понимаю, что это аморально, но у меня не было другого выхода. Я выкрал деньги из сейфа. Ты даже не представляешь, какого труда мне это стоило. Отец пришел в дикую ярость, перетряс весь обслуживающий персонал, а я остался вне подозрений. В конце концов я его сын. Понимаешь, сын! Я не виноват в том, что мы полюбили одну и ту же женщину. Разница в том, что я полюбил ее по-настоящему, а отец... так, просто пользуется ею, пользуется ее красивым телом, ее покладистым характером.

– Она старше тебя?

– Старше на пятнадцать лет. При чем тут возраст, если приходит настоящее чувство. Мне необходимо ей доказать, что она ошибалась. Я знаю, отец дает ей какие-то жалкие подачки, а я хочу сделать для нее намного больше. Я хочу сделать ее богатой. Я хочу, чтобы она вспоминала обо мне с сожалением.

– Ты сам откопаешь эти деньги, как только выпишешься из больницы, – перебила я его.

Костя не обратил внимания на мои слова и, достав второй листок бумаги, положил его мне на колени.

– Это ее адрес. Передашь ей, что я очень ее любил, что эти деньги я заработал. Заработал ради нее. Чтобы она смогла расстаться с моим отцом и начать новую жизнь. Она обязательно встретит любовь, родит красивого мальчика и назовет его моим именем.

– Но почему ты мне доверишь?

– Не знаю. Интуиция.

Мы помолчали. Я украдкой смахнула слезы и наконец решилась заговорить снова:

– Я хочу быть с тобой откровенна. Я тяжело больна. В глубине души я надеюсь победить, но все же понимаю, что могу и не выйти из этой больницы...

Голос мой прервался, я почувствовала, что вот-вот разрыдаюсь.

– Ты будешь жить. Вот увидишь, – уверенно сказал Костя.

– А если вдруг...

– Если вдруг ты почувствуешь, что у тебя закончились силы для борьбы, передашь мою просьбу тому, кому доверяешь, кто будет здоров.

На балкон заглянула медсестра и позвала меня на процедуры. Я не могла просто так встать и уйти. Я должна была как-то поддержать Костю.

– Ты не сдавайся, – сказала я. – Ты только держись. У тебя есть ради чего бороться за жизнь. У тебя есть любовь. Понимаешь, любовь. Ради нее стоит бороться. У меня этого нет. Это исчезло вместе с моей болезнью. Мне всегда казалось, что любовь вынесет любые испытания, даже болезнь. А она, сука, оказывается, такая непостоянная, такая коварная... Прямо как дешевая девка. Я всегда думала, что мои проблемы – это проблемы и моего мужа. Оказывается, все не так. В этой жизни можно надеяться только на себя. Очень тяжело, когда понимание приходит в этих стенах.

– Тебя бросил муж?

– Да. Меня бросил человек, с которым меня связывает несколько лет жизни и ребенок.

– Тут всех бросают... Вернее, почти всех... Ты не сказала мне свое имя.

– Виктория. Меня зовут Виктория.

– Это значит победа...

Я с трудом выдавила улыбку и пошла вслед за медсестрой.

Вернувшись в палату, я увидела, что Миле совсем плохо. Такой растерянной и удрученной она еще не была ни разу.

– Знаешь, к черту эту гробницу, – решительно сказала я. – Сейчас позвоню маме, она принесет нам новые шторы, махровые коврики, кучу плакатов... В палате станет красиво, уютно, совсем по-домашнему. Я надену яркий халат и пушистые тапочки... – Я посмотрела на лежащую соседку и замолчала. Молчала и Мила.

– Ведь мы же еще живые... – робко попыталась продолжить я. – Ведь нам тоже хочется тепла и домашнего уюта... Будь моя воля, я бы все эти гробовые стены выкрасила в какой-нибудь розовый цвет.

– А что от этого изменится? – безразлично произнесла Мила.

– Ты о чем?

– О том, что, если тут будет уют, нам не станет лучше... У меня не вырастет грудь, а результаты твоей крови не станут лучше...

– Ну нет, ты не права. Чтобы выздороветь, нужно не раскисать, не давать душе впадать в уныние.

– Откуда в тебе появилось столько оптимизма?

– А откуда в тебе появилось столько пессимизма?

– Не знаю. Я смотрю на эту корзину роз и понимаю, что она прощальная.

– Не говори ерунды! – рассердилась я.

Решив не поддаваться настроению соседки, я направилась к телефону. Меня ужасно штормило, ноги просто отказывались слушаться. Из какой-то палаты слышался то ли стон, то ли молитва. Я почувствовала, что силы оставляют меня. «Нет, – сказала я себе. – Не сдамся, – я должна вылечиться. Всем смертям и диагнозам назло. Я очень сильная. Я такая сильная, что даже трудно себе представить. Я буду разговаривать со своей болезнью на «ты» и заставляю ее встать на колени... Она отступит. Она испугается, ведь она очень трусливая... Ой, какая же она трусливая... Это только кажется, что она всемогущая, а на самом деле она боится тех, у кого есть воля... Я выйду из больницы, поеду на дачу, откопаю шкатулку с долларами, возьму положенную мне часть и куплю дом для своих родителей. Он будет сделан из белого камня и стоять на самом берегу моря. Я привезу туда родителей, посмотрю им в глаза и скажу: «Вот видите, я победила... Я это сделала. Надо просто захотеть. Надо просто захо-

тетъ жить... Надо просто поверить в себя. Я поверила, потому что у меня есть вы, сын Санька и маленькая собачка Зося. Я знала, как я вам нужна. Как я вам необходима. Мы должны быть вместе, ведь мы – семья. Мы – настоящая семья и никто нам больше не нужен... Ну нет у меня мужа и не надо. Главное – здоровье. Видимо, не всем выпадает шанс иметь рядом преданного человека. Это же как карточная игра, а я всегда проигрывала в карты».

Обливаясь потом, я добрела до телефона и позвонила маме. Поговорив совсем недолго, я повесила трубку и, опершись о стену, медленно съехала на пол. Перед глазами плыло, я поняла, что больше не смогу ступить и шагу. «Я сильная», – стала твердить я себе и попыталась встать. Когда мне это удалось, я рухнула на пол и потеряла сознание. Очнулась я в палате, к правой руке была подключена капельница, рядом сидела Мила.

– Что произошло? – спросила я.

– Ничего, не считая того, что ты упала в обморок. Ходишь по больнице как будто здоровая. Могла бы сказать, что хочешь спуститься к телефону, я бы помогла, вдвоем мы бы спокойно доплелись. И что тебя понесло?

– Я звонила маме насчет ковриков и шторок...

Мила широко раскрыла глаза и, запинаясь, произнесла:

– Послушай, а ты в своем уме?

– Ты же сама говорила, что здесь все сумасшедшие... Давай уж будем сумасшедшими до самого конца. Умирать – так с музыкой. В уютных апартаментах.

На следующий день наша палата перестала напоминать гробницу. Ярко-розовые шторы, розовый тюль, ковер с большим ворсом и куча незамысловатых плакатов сделали свое дело. Я надела халат с желтыми подсолнухами и старалась победно улыбаться. На меня заглядывались и больные, и лечащие врачи. Наверно, от меня исходила какая-то невиданная здесь свежесть, я воплощала пусть мнимое, но все же благополучие.

Наступил тихий час. Больные разошлись по палатам. Неожиданно тишину нарушил отчаянный крик. Мы с Милой переглянулись и выбежали из палаты. Посреди коридора сидел Константин и громко кричал. Его лицо было бледно-зеленого цвета, глаза налились кровью.

– Люди, я умираю!!! Вы слышите, я умираю!!! Сделайте что-нибудь!!! Я хочу жить! Господи, хочу жить! Цените жизнь, люди! Слышите, цените! Она одна падла, как жалко, что она одна!!! Берегите каждое мгновение, потому что однажды оно может стать последним!

Он вцепился в халат подбежавшей к нему сестры и снова закричал задыхаясь:

– Родная, помоги! Хотя бы еще один день... хотя бы мгновение, только не сейчас... Сделай укол или дай таблетку... У меня есть деньги. У меня их много. У меня и у моего отца. Я отдам все, только помоги.... Умоляю, слышишь, я хорошо заплачу... Я не хочу умирать, я молод... Я еще ничего не видел... Почему именно я?! Я хочу жить!!!

Выкрикнув последние слова, Костя закрыл глаза и упал на пол. Через несколько секунд появились санитары с каталкой. Они накрыли тело простыней и увезли. Я с ужасом посмотрела на пару каталок, стоящих в холле. Кто же будет следующим? Странно... Мы еще живы, ходим по больнице, смотрим телевизор, обедаем, а посреди отделения стоит дежурная каталка для очередного покойника. Видно, кто-то заботится о том, чтобы мы знали свое место, чтобы не забывали, кто мы такие, и не надеялись на лучшее.

Собравшиеся на Костин крик больные разбрелись по палатам. Тихий час еще не закончился. Я бросилась к каталке, схватила ее за поручни и повезла прочь из своего отделения. Увидев это, санитар велел немедленно прекратить самодеятельность.

– Не прекращу! – закричала я что было сил. – Мы живые! Мы еще живые и не надо напоминать нам о смерти!

Я успокоилась только в палате. Достав пару листков, которые мне дал Костя, я внимательно прочитала их. Нет, не зря меня назвали Викторией. Я обязательно выкарабкаюсь. Я выполняю его просьбу.

– Жалко его, совсем молоденький, – растерянно сказала Мила. – Ему бы жить да жить... Господи, да что ни говори, а жить хочется в любом возрасте. И молодым, и пожилым.

Глава 4

Дни тянулись томительно долго. Я уже потеряла счет времени. Порою мне казалось, что я стала чувствовать себя лучше, да и результаты анализов все больше укрепляли надежду на выздоровление. В один совершенно непримечательный день в палату вошел мой муж и посмотрел на меня так, словно я уже давно умерла. Мила сразу все поняла и ушла в коридор. Он просто пришел. Ни цветочка, ни яблока, ничего. И никакого сочувствия в глазах...

– Ну как, не надоело здесь лежать? – с непонятной усмешкой спросил он, присаживаясь на краешек кровати.

Я опустила глаза.

– Врачи говорят, что я иду на поправку. Странно, тут все мрут как мухи, а я поправляюсь...

– Оно и понятно. Такие, как ты, не умирают. Могла бы поехать со мной, когда я звал.

– Андрей, если бы я поехала, то уже давно бы загинула.

Я отвернулась, чтобы скрыть выступившие слезы.

– Ты сейчас где живешь? – еле слышно спросила я.

– Когда как. Иногда у нас дома, иногда в той квартире, которую снял, – равнодушно проговорил он.

– Ты с кем-нибудь встречаешься?

– Ты же знаешь, я никогда не был обделен женским вниманием.

– Тебе кто-нибудь говорил, что ты отъявленная сволочь?

– Никто, кроме тебя, – в голосе Андрея слышалась издевка. – Мы отделились друг от друга в последнее время... – Он тяжело вздохнул. – Это все твоя мнимая болезнь. Если бы ты хоть немного меня любила, то в первую очередь думала бы о наших отношениях...

– У меня рак. Неужели ты не можешь понять?

– Уж на раковую больную ты похожа меньше всего, – усмехнулся Андрей. – Слишком хорошо выглядишь для умирающей, прямо расцвела.

Я поняла, что больше не в состоянии продолжать этот бессмысленный и в то же время до глубины души обидный разговор.

– Пошел вон... – собрав в кулак всю волю, сквозь зубы процедила я.

– Что ты сказала?! – злобно переспросил Андрей и заметно побагровел.

– Что слышал! Убирайся к чертовой матери и не смей больше сюда приходить!

– А я вообще не собирался сюда приходить... Просто проходил мимо и вдруг вспомнил, что ты загораешь на этом курорте.

Он резко встал и направился к выходу. Я не верила, что он может так просто уйти. Думала, вот сейчас он обязательно обернется, извинится, наговорит мне кучу ласковых слов... Но этого не произошло. Он даже не обернулся. Хлопнув дверью, он исчез. Я не устроила истерику, не стала рвать на себе последние волосы. Я просто закрыла глаза и отчетливо поняла, что иллюзия под названием «семейное счастье», которую я вынашивала все эти годы, рухнула. Говорят, что очень трудно скрывать равнодушие, но Андрею это удавалось довольно долго. Надлом наших отношений произошел намного раньше, моя болезнь тут совсем ни при чем. Я уже давно не могла объяснить, как это может быть – наличие и отсутствие человека одновременно. Любовь исчезла уже давно, а моя болезнь – лишь повод для окончательного разрыва. Так больно... Душа выворачивается наизнанку, а сердце ноет... Очень страшно думать, что семьи больше нет. Я почувствовала, что растерялась.

В палату вернулась Мила. Оценив мое состояние, она подошла к окну и раздвинула занавески.

– На улице погода – закачаешься. Я все не могла дожидаться, когда свалит этот козел. Хоть бы какую-нибудь затрапезную розочку принес, сволочь. Я вот только не могу понять, почему такие скоты никогда и ничем не болеют. Почему все шишки падают именно на нас, ни в чем не повинных женщин...

– Я его выгнала, – сказала я, не слыша собственного голоса.

– Вот это ты правильно сделала. На хрен ему сюда ходить и тебя расстраивать. Нормальный мужик должен сидеть и днем и ночью у твоей кровати и держать тебя за руку.

– Таких мужиков в природе не бывает. Они нас здоровыми-то толком не любят, а больные мы тем более никому не нужны.

Я старалась взять себя в руки и хоть немного успокоиться. Что ж, если судьбе угодно преподнести мне столько испытаний, я обязательно с ними справлюсь. Я попробую начать все сначала. Вычеркнуть из памяти свое замужество. Самое ужасное, что я живу, прошлым. Но, с другой стороны, ущемленное женское самолюбие способно на многое. Я теперь понимаю, часто браки распадаются не потому, что появляется третий или третья, и даже не из-за какого-то потрясения, вроде моей болезни. Просто живущие под одной крышей люди почему-то отдаляются, перестают друг друга понимать. Наступает одиночество вдвоем. Я казню себя за прошлое. Вспоминаю какие-то моменты, прокручиваю свою семейную жизнь назад... Это удел всех потерявших. Иногда корю за недалекость себя, иногда обвиняю Андрея. Говорят, со временем невыносимая боль отпускает, и мне хочется в это верить. Я обязательно встречу новую любовь, ведь без нее нет смысла жить, только она спасает нас от смерти.

– Хватит себя мучить, – послышался голос моей соседки.

– Я в порядке. Мне кажется, что еще немного, и я буду в полном порядке.

Я подошла к окну и с завистью смотрела на мир, в котором жили люди за пределами нашей жуткой больницы.

Наутро при обходе врач торжественно похлопал меня по плечу и поздравил с выздоровлением. Это было невероятно.

Я хорошо помню тот день, когда смогла покинуть стены страшной больницы. Меня не беспокоила ни моя неестественная бледность, ни то, что на голове осталась лишь малая часть моих роскошных волос. Я благодарила Бога, что осталась жива, выкарабкалась и теперь могу быть рядом со своими близкими и друзьями.

Мы обменялись с Милой телефонами и присели на дорожку.

– Ты только не пропадай, – возбужденно говорила подруга, вытирая слезы, – звони. Мы же все-таки теперь не чужие, столько пережили вместе. Завтра и меня выписывают.

Я поцеловала Милу в щеку.

– Главное, чтобы ты не пропадала. Звони, я буду ждать. Очухаешься, придешь в себя, снова выйдешь на работу. Думаю, босс к тебе все-таки не равнодушен.

Мила глубоко вздохнула:

– Если бы все было так, как ты говоришь! Уверена, он уволил меня к чертовой матери и взял какую-нибудь здоровенькую старлетку.

– Не придумывай! Пока ничего не известно, – прикрикнула я на подругу.

Внизу меня ждали родители. Понять, что чувствовали мы, глядя в глаза друг другу, может только тот, кто пережил нечто подобное. Мама обняла меня за плечи и громко зарыдала. Папа протянул мне роскошный букет и погладил по голове.

Глава 5

Дома меня ждал удар. За время моей болезни Андрей увез из нашей квартиры почти все вещи. Я окинула безразличным взглядом полупустую квартиру и присела на стоящий посреди комнаты стул.

– Понимаешь, доченька, мы не хотели тебя расстраивать, – неуверенно начала мама, – Андрей заказал машину и все вывез сразу, как только вернулся со сплава. – Голос мамы заметно дрожал, она готова была расплакаться. – У него никогда не было совести. Даже вещи сына зачем-то забрал. Чтоб они ему поперек горла встали.

– Да ладно, Бог с ним со всем, наживем, – отрешенно произнесла я. – Заработаем. Лишь бы больше не потерять, например здоровье.

Когда родители ушли, я принялась разглядывать себя в зеркало. Выпирающие скулы, истощенное лицо, словно я вернулась не из больницы, а из концлагеря. Ничего, самое страшное уже позади. Я победила болезнь, я смогла, я справилась, я оказалась сильнее.

Побродив по дому, я достала из сумочки аккуратно сложенный листок с адресом дачи Костиного отца. Сердце мое сжалось. Так жалко этого молоденького мальчика. Господи, как же страшно умирать в таком возрасте. Он хотел жить, он цеплялся за жизнь... Он любил. Наверно, это была его первая, еще юношеская, но уже такая глубокая любовь. Ради нее он украл деньги... Он хотел ей доказать... Стоп! Вспомнив о закопанных деньгах, я почувствовала странное возбуждение и быстро заходила по комнате. Деньги... Деньги бы мне пригодились, ведь мне так хочется подарить родителям домик. Двадцать тысяч долларов – приличная сумма, на нее я смогла бы что-нибудь подыскать. Остальные сто тридцать нужно отдать Костиной женщине. Мне чужого не надо.

На другой день с утра я поехала в магазин и купила вполне удачный парик, создававший видимость натуральных волос. Пока отрастут свои, пройдет немало времени, поэтому иного выхода не было. Немного косметики – и мое лицо стало более привлекательным. Исчез противный бледно-зеленый оттенок. За время болезни я ужасно похудела, почти высохла. Пришлось немного обновить гардероб. Ничего, скоро я обрету прежнюю форму и буду вызывать восхищение у мужчин и откровенную зависть у женщин. Все это будет. Все обязательно будет, нужно только подождать.

Вернувшись из магазина, я еще в прихожей услышала телефонный звонок и чего-то испугалась.

– Привет, – послышался в трубке возбужденный голос Милы.

– Тебя выписали? – обрадовалась я.

– Как и обещали. Даже не верится, что нам с тобой эти гребаные больничные каталки не пригодились.

Мила замолчала, а я подумала, что этот черный юмор можем понять только мы, те, кто был в нескольких шагах от смерти, кто каждый день боялся и ждал ее приближения.

– Как твой Челноков? – Вопрос прозвучал немного осторожно, даже, можно сказать, нерешительно.

– А что ему сделается... Вывез все домашнее добро. Дай Бог, чтобы это ему на пользу пошло. Даже вещи сына подрезал. Не понимаю, на черта они ему сдались, у них ведь совсем разный размерчик.

– Может, на барахолке загонит.

– Может, и загонит. Эта сволочь ничем не побрезгует.

– Вот и выходи замуж. – Мила немного помолчала. – Никогда в жизни не выйду замуж за мужчину. Я выйду замуж за деньги. Уж лучше жить с пухлым кошельком и ни в чем себе

не отказывать, чем выйти за какого-нибудь выродка, терпеть его скотскую любовь и ждать, пока он окончательно уйдет налево, не забыв при этом обчистить квартиру.

– Тебе проще. У тебя есть кандидатура.

– Какая?

– Твой шеф. Возможно, он расчувствуется и возьмет тебя под свое мясистое крылышко.

Я бросила взгляд на свою сумочку, в которой лежали Костины записочки. Мне не хотелось действовать в одиночку, напарница в ранге самого настоящего телохранителя мне бы совсем не помешала. Вдвоем веселее и как-то сподручнее.

– Послушай, Мила, а ты себя как чувствуешь?

– Если сравнивать с тем, как я себя чувствовала в больнице, то просто восхитительно.

– Хорошо. Пройдет совсем немного времени, и мы будем вспоминать наши с тобой страдания как страшный сон. Знаешь, мне нужна твоя помощь.

– Я всегда рада тебе помочь, говори, что надо?

– Мне нужно съездить на дачу к одному человеку и выкопать на его дачном участке шкатулку.

– Шкатулку?! – от удивления Мила громко присвистнула. – Странно! А какого черта он ее закопал? Люди на своих огородах помидоры да огурцы сажают, а этот придурок какие-то шкатулки.

– Долгая история. Я расскажу тебе позже. Так ты со мной едешь?

– Поеду, если это для тебя так важно.

– Ты даже не представляешь, насколько важно. Только это немного опасно. Мы должны приехать ночью и выкопать шкатулку так, чтобы никто не увидел.

– А может, мы лучше сделаем это при свете? Ночью ведь копать неудобно. Мы же не кроты.

– При свете нельзя. Я же тебе говорю, мы должны сделать все незаметно.

– Как скажешь ... Только я лопатой не очень хорошо орудую.

– За это не переживай. Лопатой буду орудовать я. Ты же профессиональный телохранитель. Так занимайся своим делом.

– Ты хочешь сказать, что я должна тебя охранять?

– Вот именно. Будешь стоять рядом со мной и смотреть по сторонам, наблюдать за тем, чтобы не было ни одного лишнего шороха.

– Это для меня пара пустяков.

– Словно я твой босс...

– Мой босс шкатулки на огородах не сажает, – развеселилась Мила.

– Тогда приезжай ближе к вечеру, все и сделаем.

Положив трубку, я отправилась к родителям, чтобы повидать сына. Со вчерашнего вечера я уже успела соскучиться. Сашка сидел за компьютером и играл в какую-то замысловатую игру. Мы просидели с ним около двух часов, потом я вернулась к себе. К моему великому удивлению, ключи от машины оказались на месте. Челноков никогда не умел водить машину, может быть поэтому пока еще не прихватил ее. Я сварила кофе, мечтательно закрыла глаза и вновь представила очаровательный домик на берегу. Мои мечтания прервал пронзительный звонок в дверь. Андрей?! Я вскочила. Может быть, он одумался и пришел попросить прощения? Господи, какие же мы, бабы, дуры... Даже после стольких гадостей верим в лучшее, ищем хоть какое-нибудь оправдание.

Открыв дверь, я облегченно вздохнула – передо мной стояла похорошевшая Мила.

– Это я – Челноков, пришел для того, чтобы забрать у тебя последнее. Я забыл забрать свой старенький диван, на котором сидел и пердел столько лет, – весело пробасила она и чмокнула меня в щеку.

– Забирай свой проперженный диван и уматывай к чертовой матери, – подыграла я подруге и впустила ее в квартиру.

Мила быстро прошла по всем комнатам и покачала головой:

– У тебя тут словно военные действия прошли недавно.

– Челноков постарался. Даже стиральный порошок и хозяйственное мыло уволок.

– Может, он этим мылом будет свое хозяйство намыывать.

– Было бы хозяйство, а то так, какой-то приросток.

– Так он у тебя и в постели был совсем хреновенький?

– Хреновенький слишком мягко сказано. У него член был толщиной со спичку, ей-богу.

– Ну ты, подруга, попала, – Мила громко рассмеялась. – Он у тебя, оказывается, еще и трахаться не умел! И как он только умудряется по бабам гулять?!

– Этого я до сих пор не пойму. Я когда с ним познакомилась, думала, он мне вообще девственником достался. Сделал два резких движения и кончил, прямо напасть какая-то.

Вдоволь позлословив и навеселившись, мы отправились «на дело». Когда сели в машину, Мила достала пистолет и помахала им перед моим носом. Я уставилась на него как завороженная, на лбу у меня выступила испарина.

– Он что, и в правду настоящий? – испуганно спросила я.

– Ну ясное дело, не игрушечный. У меня есть разрешение на ношение боевого оружия, я же профессиональный телохранитель.

– Я настоящий пистолет вблизи никогда не видела. А зачем ты его взяла?

– Как это – зачем? Ты же сказала, что будешь орудовать лопатой, а я должна тебя охранять.

– Думаешь, что пистолет может пригодиться?

– Я же не знаю, что у тебя там за дачный участок, на котором шкатулки закапывают. Я сейчас словно на работу еду, а на работе я всегда с оружием.

Сегодня понедельник, рабочий день – значит, дача должна быть пустой. Мила сидела, закинув ногу на ногу, и разглагольствовала:

– Вот если бы я вышла замуж за своего шефа, я бы тебя на Кипр свозила. Здоровья бы поднабрались, от больничных воспоминаний отошли, нормальных мужичков склеили. Если бы он на мне женился... Проклятая болезнь! Ведь я уверена, что он ко мне что-то чувствовал. Я же с ним в каких только передрыгах не была... А наш первый сексуальный контакт до сих пор мне по ночам снится. Он тогда в командировку летал, ну, естественно, и меня с собой прихватил. Это в гостиничных апартаментах произошло. Он подвыпивший был, ну я и не растерялась. Думаю, нужно брать быка за рога, пока он тепленький. Короче, сама к нему в постель прыгнула. Если честно, не ожидала, что он окажется нормальным любовником. С этой ночи у нас с ним все и пошло. Работа и секс. Секс и работа. Я поначалу его ревновала страшно. А потом подумала – глупо ревновать то, что тебе не принадлежит. У него ведь власть, связи, деньги. В конце концов он мой работодатель. Кормилец, одним словом. Он ведь и с разными женщинами встречался. Случалось, даже проституток заказывал.

– А ты как на это реагировала?

– А как я должна реагировать? Я всегда знала свое место и довольствовалась тем, что мне выпадало.

Мила глубоко вздохнула и с грустью уставилась в окно:

– Правильно, видно, говорят, что не надо хватать звезд с неба и не стоит спать со своими начальниками. От этого одни разочарования и головная боль. На хрен ему на ком-то жениться, если он за деньги черта лысого купит.

– Мы уже почти у цели, – сказала я и испуганно посмотрела на Милу.

– Ты что, боишься, что ли? – удивилась она.

– Не знаю. Просто я никогда раньше по чужим дачам не лазила.

– Я тоже, но что не сделаешь ради любимой подруги.

– Давай оставим машину в начале улицы, а сами пойдем пешком. Так безопаснее.

Никто не догадается, на чью дачу мы приехали.

– Как скажешь, – согласилась Мила и вышла из машины.

– Пока никаких подозрительных субъектов не наблюдаю, – сообщила она, оглядевшись по сторонам.

Я взяла ее за руку, и мы пошли по освещенной улице вдоль симпатичных дачных домиков. Я услышала учащенные удары своего сердца. Оно и понятно. Раскапывать клад на чужой даче – занятие малоприятное и, скажем прямо, рискованное. Но я не могла отказаться от денег, не могла не исполнить последнюю просьбу умирающего. Если Костя хотел доказать своей любимой, что он что-то из себя представляет, пусть так оно и будет.

– Послушай, а чем мы будем копать? – неожиданно спохватилась Мила.

– На любой даче должны быть такие орудия производства, – неуверенно сказала я.

– А что мы будем делать, если хозяин этой дачи не заядлый огородник?

– Тогда придется одолжить лопату у соседей! – нервно засмеялась я. – Выкрутимся как-нибудь. Думаю, тот, кто закапывал эту шкатулку, не вез лопату с собой, а взял ее здесь.

Увидев нужную дачу, я перевела дыхание и постаралась взять себя в руки. В соседнем доме горел свет, и это говорило о том, что мы приехали слишком рано.

– Соседи не спят, – словно прочитала мои мысли Мила. – Как ты относишься к лишним свидетелям?

– Отрицательно. Свидетели нам совсем не нужны.

– Тогда, может, посидим в машине?

– Нет. Просто мы будем действовать осторожно. Нужно осмотреть дом.

Калитка открылась беспрепятственно. Пройдя по узенькой, выложенной разноцветными булыжниками дорожке, мы подошли к беседке и огляделись по сторонам. На даче никого не было. Взглянув еще раз на Костину схему, я быстро сориентировалась и увидела яблоню, под которой следовало копать.

– Копать нужно там, – показала я Миле.

– Копать по твоей части, а мое дело тебя охранять. Для начала не мешало бы найти лопату, – заметила она.

Покосившись на светившееся соседское окно, я решительно направилась к дому. Попытка открыть дверь, естественно, оказалась безуспешной. Осмотревшись, я поняла, что не смогу попасть в дом и через его окна.

– Прямо не дом, а какая-то крепость, – проворчала я.

Неожиданно мой взгляд остановился на висящем над дверью ключе. Он висел на гвозде над дверным проемом.

– Неужели это ключ от дачи?

– Похоже на то, – кивнула Мила.

– Первый раз вижу, чтобы ключ так запросто висел. А если бы пришли воры...

– Может там и брать нечего. А вообще это умное решение. Многие делают так, чтобы какие-нибудь мародеры не били окна и не взламывали двери. Зашел, взял, что хотел, и ушел с миром.

Сунув ключ в замочную скважину, я легко открыла дверь и вошла внутрь. Даже в темноте сразу стало ясно, что обстановка дома была самая что ни на есть обычная. Никакой роскоши, никаких излишеств. Это было довольно странно. Такой дорогой, навороченный мужчина, как Костин отец, мог бы прикупить себе домик поприличнее.

– Я так поняла, что свет включать нельзя, – донесся Милин голос.

– Нам нужен фонарик, – сказала я.

– По-моему, сейчас все едино: что лопата, что фонарик... Я вообще не понимаю, как в такой темноте можно что-то найти. – Мила была явно огорчена, и напрасно. Все оказалось довольно просто: рабочий инвентарь стоял в коридоре.

– А вот и лопата, – обрадовалась я, словно мне удалось обнаружить слиток золота.

– Прямо масть поперла, – облегченно вздохнула Мила. – Я заметила, что ты везучая.

– Должно же мне хоть в чем-то везти, а то ни в любви, ни в личной жизни...

Через несколько минут я уже старательно ковыряла плотную землю. Свет в соседском окошке погас, видно, нежелательные свидетели легли спать. Интересно, как глубоко Костя закопал шкатулку... Не могу же я до утра рыть эту яму!

Вдруг за забором послышался шум подъезжающей машины. Я растерянно взглянула на подругу и выронила лопату.

– По-моему, мне перестало везти. Неужели пожаловали незваные гости?

– И время уже вроде не детское, – прошептала подруга и жестом показала мне, чтобы я пригнулась. – Давай присядем за кустом смородины. Может, они не задержатся долго.

Мы уселись на землю и принялась наблюдать. Неужели приехал Костин отец? И чего ему понадобилось здесь в такое время? Нормальные люди давно дрыхнут и видят сны. Сегодня рабочий день, а Костя говорил, что отец навещает дачу только в выходные...

На мощеной дорожке показались двое мужчин. Костиного отца среди них не было. Незнакомцы вошли в дом и пробыли там не больше минуты.

– Среди этих двух есть хозяин? – прошептала мне на ухо Мила.

– Нет, этих типов я вижу в первый раз.

Как только мужчины вышли из дома, мы снова замерли.

– Послушай, я что-то не пойму, – недовольно сказал один из них. – Лопата стояла прямо при входе.

– Да сразу видно, что в доме кто-то был, – пробасил второй. – Кому могла понадобиться лопата. Ни хрена непонятно!

– Надо же, лопату подрезали! Что теперь делать-то будем? Не можем же мы этого жмурика руками закапывать.

– Может, граблями?

– До хрена ты граблями накопаешь?

– Я как чувствовал, что заморочки начнутся! Предлагал же тебе, давай скинем его в воду и дело с концом. Нет, ты уперся, давай его в землю закопаем и все тут! С этой ямой одной возни сколько! А так и удобно и быстро. Мы же хорошее дело делаем, корм рыбкам подбрасываем.

– Ладно, давай сделаем по-твоему, обойдемся без лопаты.

Они сели в машину и быстро отъехали. Я вытерла выступивший на лбу пот и посмотрела на невозмутимую подругу.

– Ты слышала?

– Слышала, не глухая.

– У них в машине был труп.

– Это я сразу поняла. Хорошо, что у них не хватило ума искать лопату во дворе.

– Господи, они ведь кого-то убили, – никак не могла успокоиться я. – Нелюди какие-то.

– На бытовуху не похоже, – тоном знатока сказала Мила. – Обыкновенные криминальные разборки.

Я вспомнила Костиного отца. Конечно, он вполне мог быть связан с криминальными структурами, ему бы подошла роль мозгового центра какого-нибудь преступного клана.

– Ладно, время идет. Давай копать дальше, – перебила мои размышления подруга. – Считай, что нам повезло. Незваные гости хотели только лопату. В принципе тут нет ничего

удивительного. Одни возят трупы и думают, как от них избавиться, другие выкапывают непонятные шкатулки на чужих дачах. Каждый занят своей работой.

Встав с земли, я вновь взяла лопату и с досадой в голосе произнесла:

– Мы никого не убиваем. И вообще мы занимаемся гуманным делом. А в этой шкатулке лежат деньги, которые я обязана передать одному человеку.

– А почему этот человек сам не хочет их выкопать?

– Потому что этот человек даже не подозревает об их существовании.

– Тогда лучше бы и дальше держать его в неведении, эти деньги и нам не помешают.

– Нет. То, что я сейчас делаю, очень важно. Я выполняю предсмертную просьбу одного человека. Я должна сдержать обещание.

– А от чего он умер?

– От рака.

– От рака?!

– Да. Ты так удивилась, будто не знаешь, что от рака умирают. Не все же такие живучие, как мы с тобой.

Признаться честно, я никогда не копала раньше, поэтому каждый взмах лопаты давался мне с огромным трудом. Яма постепенно становилась глубже, но шкатулка так и не появлялась.

– Копаешь ты здорово, – откровенно зевнула Мила, – только проку от этого мало. Может, там вообще никакой шкатулки нет.

– Должна быть. А вдруг я не с той стороны копать начала? Может, лучше с другой зайти?

– Зайди с другой. Прямо фантастика какая-то. Сидим на чужой даче и пытаемся выкопать шкатулку с деньгами...

– Допустим, не мы пытаемся выкопать, а я пытаюсь выкопать. От тебя помощи никакой. Могла бы тоже лопатой поработать.

– Ты же просила охранять тебя. Этим я и занимаюсь.

– Я же не знала, что тут охранять не от кого.

– Я бы этого не сказала. Только с виду все безопасно. В любой момент может что-нибудь произойти. Тут некоторые товарищи трупы возят.

Я поняла, что от подруги мне так и не дожждаться помощи, и стала уповать только на собственные силы. Костя не мог меня обмануть. Больные вообще не умеют обманывать... Уж кому-кому, а мне это известно. В тот момент, когда моя лопата наткнулась на какой-то предмет, к дому подъехала та же самая злосчастная машина.

– Только этого не хватало, – прошептала Мила и легла на землю. – Интересно, зачем они на этот раз пожаловали, за граблями, что ли?

– Я докопала до шкатулки, – возбужденно сообщила я и сунула руку в яму по самый локоть.

– Лежи, ненормальная, и не двигайся, – одернула меня Мила, но остановить меня было простоневозможно. Я попыталась вытащить шкатулку и чуть было не разревелась, когда поняла, что наткнулась на обыкновенный камень.

– Ну и где твоя шкатулка, будь она неладна, – еле слышно прошептала подруга. – Я же тебе говорю, что тут ее вообще нет.

– Есть, – настаивала я, – просто нужно копать еще глубже. Только дурак мог закопать шкатулку, набитую долларами, на самом верху.

Услышав звук открывающейся калитки, я замолчала. Мужчины подошли к крану, который находился посреди участка и по всей вероятности предназначался для полива. В свете уличного фонаря мне удалось разглядеть обоих. Им было не больше тридцати. Обычные тре-

нировочные костюмы и грязные, сношенные кроссовки... Они открыли кран и стали мыть руки.

– Я и не знал, что эта сволочь окажется такой кровавой, – пробубнил тот, что был повыше ростом.

– Всю тачку гад ползучий измазал, – подхватил его слова напарник. – Ночью двигаться нельзя. Любой мусор может нас остановить и заглянуть в багажник. Повяжут не разговаривая. Потом эту кашу замучимся расхлебывать. Останемся здесь до утра и поедем, когда на улице будет полно транспорта. Машину сразу пацанам в химчистку загоним, они ее приведут в божеский вид.

– Это ты дело говоришь, щас нам дергаться не стоит, – согласился высокий.

Мужчины закурили и, переговариваясь, направились к дому.

– У меня весь костюм кровью запачкан. Жалко, совсем новый. На нем даже муха не сидела. Теперь не отстираешь.

– Да ладно тебе. Главное, что дело удачно сделали, не запороли. Бабок теперь!.. Подымим нормально. Побольше бы таких заказов, глядишь, из нищеты вылезем.

– Господи, если бы ты знала, как мне страшно, – испуганно прошептала я. – Мы что, теперь до утра под этим кустом валяться будем?!

– До утра не будем. А сейчас лежи, не дергайся. Они спать лягут, и мы отсюда выкарабкаемся.

– А шкатулка?

– Сейчас не до шкатулки. Главное – ноги унести. В следующий раз разберешься со своей шкатулкой, если она вообще существует.

– Существует, – пробубнила я себе под нос и вновь прижалась к земле.

Как только мужчины вошли в дом, Мила толкнула меня в бок и быстро проговорила:

– Они сейчас водку пить будут. Когда уснут, одному Богу известно. Давай мелкими перебежками прямо до калитки.

– Ты что, сдурела? А вдруг они нас в окно засекут?

– Не засекут.

– Может, лучше дождемся, пока они спать лягут?

– А вдруг они до утра не лягут.

– Быть такого не может, – замотала я головой. – Они должны сильно устать. Как-никак, а на мокрое дело ходили.

– Такие не устают. Делай, что говорю. Встаем и перебежками направляемся к калитке. Там до машины рукой подать.

Не став перечить подруге, я встала с земли и бросилась к калитке. Мила побежала рядом, не забыв достать пистолет. Не могу передать, какой чудовищный страх сковывал мое тело. Сердце колотилось с такой бешеной скоростью, что, казалось, выскочит из груди. Мы уже были за калиткой, когда из дома вышел один из мужчин и бросился следом за нами.

– Серега, быстрее сюда, – крикнул он. – На даче какие-то девки!!!

– Стоять!!! – послышалось за моей спиной. Мила резко остановилась, бросилась на незнакомца, свалила с ног и навела на него пистолет.

– Ты что, идиот?! Какого хрена ты к нам прицепился? Нам эта дача даром не нужна. Разорался как резанный, чуть было соседей не разбудил. Придурок!

– Руку отпусти, больно, – простонал лежащий на земле мужчина.

– Я тебе сейчас еще голову откручу, – пригрозила Мила.

Я стояла как вкопанная и восторженно смотрела на Милу. Здорово иметь такую подругу! Неожиданно калитка распахнулась и перед нами предстал второй тип. Он был вооружен.

– Брось пушку, девочка, а то я вышибу тебе мозги.

Он направил пистолет на Милу. Она, придерживая завернутую за спину руку первого, в свою очередь перевела на него свой пистолет и процедила сквозь зубы:

- Стреляй. Давай посмотрим, у кого лучше получится.
- Я сказал – брось пистолет, придурочная.
- Сам такой. Если вздумаешь стрелять, разбудишь соседей.
- У меня пушка с глушителем.
- Надо же, какой предусмотрительный.

Даже мне было заметно, что Мила нервничала. На лбу блестела испарина, от прежней уверенности не осталось и следа.

– Ладно, ребята, я думаю мы сможем договориться, – неуверенно произнесла моя подруга. – Прячем пистолеты и разбегаемся. Мы вас не видели и не знаем, а вы в свою очередь – нас.

Тут вскочил первый. Он свалил меня с ног и придавил к земле.

– Серега, одна уже готова, – крикнул он. – Разберись со второй. Не спрячет пистолет, стреляй в нее и дело с концом. Эта сука каким-то боевым искусством владеет. Дерется, как мужик, ей-богу. Меня с ног в секунду сбила.

Он загнул мои руки за спину так сильно, что я громко застонала от боли, из глаз хлынули слезы.

– Больно... Мне очень больно...

– Щас будет еще больнее. Я тебе щас все руки вместе с лопатками повыкручиваю, если ты не скажешь своей подруге, чтобы она убрала пистолет.

– Мила, ради бога, убери пистолет! Я больше не могу терпеть! Не могу!!!

– Если я уберу пистолет, у нас не будет и шанса унести ноги из этого дома.

Мужчина загнул мои руки еще сильнее. Я громко застонала. Еще немного, и этот тип порвет мне мышцы, и я потеряю сознание.

– Мила, я больше не могу терпеть, – взмолилась я. – Сделай хоть что-нибудь.

Мила убрала пистолет.

– Ладно, Викуля, будь что будет, – донесся до меня ее расстроенный голос.

Мужчина слегка ослабил хватку, и я почувствовала себя значительно легче, хотя руки онемели так, что я их совсем не чувствовала.

– Дай сюда пистолет, – произнес тот, которого звали Сергеем.

– Зачем? – шагнула назад моя подруга.

– Делай, что тебе говорят.

– Не могу. Мне без этого пистолета все равно, что без головы ходить. Он зарегистрирован, у меня на него разрешение есть.

– Плевать я хотел на твое разрешение.

– Мальчики, отпустите нас домой, – не сдавалась Мила. – Мы ничего не видели, ничего не знаем. Мы вообще люди случайные. Нам уже ехать пора...

– Заткнись и дай пистолет. Моему терпению приходит конец. Сейчас пушу тебе пулю в лоб и расшибу все твои мозги.

Немного помявшись, Мила протянула пистолет Сергею и пробурчала:

– Нельзя мне без оружия, никак нельзя.

– Это мы позже решим, без чего тебе можно, а без чего нельзя. Сейчас пойдем в дом и не дай бог кто-нибудь пикнет.

– В дом?! – воскликнули мы одновременно.

– В дом. А что тут непонятного?

– Зачем?

– Затем, что мы хотим вам задать несколько вопросов.

– Так задавайте прямо здесь, – сказала я, поднявшись с земли и потирая затекшие руки.

– Я в последний раз повторяю – идите в дом, – мрачно сказал высокий.

Я как-то судорожно повела плечами и посмотрела на Милу. У нас просто нет другого выхода. Перспектива быть застреленной какими-то подонками меня прельщала меньше всего. Они уже замочили какого-то незнакомца и хладнокровно избавились от трупа. Где гарантия, что они не расправятся с нами. Похоже, моя подруга думала так же.

Мы зашли в дом. Нас усадили на стулья, мужчины встали напротив и принялись откровенно разглядывать нас. Тот, которого звали Сергеем, держал в руке пистолет.

– Ну что, девочки, будем знакомиться? – наконец заговорил он.

– Нам домой нужно, – произнесла я жалобным голосом.

– Тут всем домой нужно. Мы вот тоже думали, что сегодня будем спать в своих постелях, да ничего не вышло. Говорите, какого хрена вы забыли на этой даче?

– Ничего мы на ней не забыли, – ответила Мила. – Мы просто зашли яблок нарвать. Яблоки тут у вас такие красивые, красные... Думаем сорвем несколько яблок и все. Мы же не знали, чем это закончится. Лучше бы мы их на базаре купили. Дешевле вышло бы.

– Ага, так я тебе и поверил, – вмешался высокий. – Разыгрываешь тут из себя невинную овечку, а дерешься покруче любого мужика. Мало того, что дерешься, так еще и с пистолетом ходишь. Откуда у тебя оружие?

Сергей подошел к Миле вплотную и взял за подбородок.

– Это мой пистолет, вы обязаны его мне отдать, – стараясь скрыть растерянность, сказала Мила.

– Нам хотелось бы знать, где ты его взяла?

– Мне его одолжил один товарищ...

– И для каких целей?

– Для того, чтобы от таких, как вы, защищаться.

– Хватит врать! Еще недавно ты заявила, что у тебя есть разрешение на ношение огнестрельного оружия. Я хочу на него посмотреть.

Мила достала ламинированный листок. Мужчины уткнулись в бумажку и принялись тщательно изучать ее.

– Глянь, Санек, оказывается, эта сучка работает в частном детективном агентстве. Ни хрена себе. Теперь понятно, почему она так хорошо ногами машет.

– Выходит, она профессиональный телохранитель? Мир сошел с ума. Серега, ты когда-нибудь видел, чтобы бабы телохранителями работали и оружие носили?

– Вживую не видел, но в какой-то газете читал. Ну и бабы пошли.

– Красавица, что ж тебе дома не сидится? Сидела бы, ждала мужа к обеду, вязала, квартиру убирала.

– Я не замужем, – пробурчала Мила.

– Оно и понятно. На хрен такая жена нужна, которая может убить посреди ночи или дать ногой в челюсть, если что не понравится. Я бы с такой даже трахаться не стал, не говоря уже о чем-то серьезном.

Они вернули Миле лицензию, и все внимание переключили на меня.

– Ты тоже, стало быть, в агентстве работаешь? – ухмыльнулся тот, которого Сергей назвал Саньком.

– Я нигде не работаю.

– И оружия у тебя нет?

– Я даже стрелять толком не умею. Так, несколько раз в тире пробовала и все.

– Значит, охранник из тебя никудышный.

– Никудышный, – подтвердила я, кивнув головой.

– Ладно, девочки, все с вами ясно. Пока придется вам посидеть в этом доме.

– Зачем?! – вскочили мы обе.

– Затем, что нам необходимо установить, кто вы такие и какого хрена вам на этой даче понадобилось.

– И как вы собираетесь это сделать? – спросила я, не узнавая своего безжизненного голоса.

– Приедет шеф и решит, что с вами делать. Даром, что ли, вы по нашей даче с пистолетом гарцуете.

Глава 6

Нас запихнули в кладовку без окон. Было сыро и холодно, жутко воняло тухлятиной. От этого запаха у меня закружилась голова и потемнело в глазах. Я села прямо на пол, уперлась ногами в заплесневелую стену и, пытаясь сосредоточиться, нервно стучала пальцами о пол.

– Это что, мыши? – тихо спросила Мила.

– Это я стучу.

– Темнота, хоть глаз выколи.

– Хотела бы я знать, когда нас отсюда выпустят.

– Между прочим, мы попали сюда по твоей вине. Это ты скулить начала: «больно, больно!» Могла бы и потерпеть. Ни черта бы с тобой не случилось. Он ведь тоже не дурак, не стал бы тебе посреди дачного поселка руки ломать. Из-за тебя мне пришлось и пистолет отдать. Не отдавала бы, так мы уже давно пили бы дома шампанское, а не сидели в этой дыре.

Моему возмущению не было предела. Я испытала такую сумасшедшую боль, я столько выстрадала... я чуть было сознание не потеряла... Я почувствовала, что еще немного, и я могу сорваться, перейти на крик.

– Давай не будем говорить, по чьей вине мы тут оказались. Лучше подумаем, как отсюда выбраться, – мирно проговорила я, взяв себя в руки.

Подруга тяжело вздохнула.

– Ты же телохранитель.

– И что?

– Должна уметь выбраться из любого помещения.

– Но я все-таки женщина – Мила замолчала, а я вдруг почувствовала, что мы обязательно отсюда выберемся. Потому что мы умеем бороться за жизнь. Потому что мы знаем ей настоящую цену... Бывало и пострашнее. Совсем недавно над нами висела угроза смерти, я даже чувствовала ее дыхание... Оно какое-то особенное, и даже нежное... Странно – нежное дыхание смерти... Я решительно затрясла головой, чтобы избавиться от этих воспоминаний. Все это в прошлом, чтобы жить, надо действовать. Я поправила свой парик, подошла к двери и попробовала ее толкнуть.

– Можешь не стараться, – грустно заметила Мила. – Нас закрыли на ключ.

– Но ведь нельзя же сидеть просто так, нужно хоть что-нибудь предпринять!

– Ума не приложу, что тут можно предпринять...

– Предлагаешь сидеть сложа руки?

– Ты лучше подумай, что будет, если эти двое найдут яму, которую мы выкопали, да еще их лопатой.

– Думай не думай, – все равно. Не могу же я выйти из этой кладовки и закопать эту яму.

– Тогда подумай о том, что начальник этих недоумков может быть в тысячу раз башковитее их. Они даже не потрудились тебя обыскать.

– А что меня обыскивать-то... У меня оружия нет.

– У тебя есть листок со схемой дачи. Если этот листок найдут, то и дураку будет понятно, что мы с тобой на эту проклятую дачу не за дармовыми яблоками пришли.

– Ой, я об этом совсем не подумала!

Достав из кармана листок, я стала рвать его на мелкие кусочки.

– Можешь эти клочки съесть, надежнее будет, – посоветовала подруга.

– У меня желудок может засориться, – возразила я. – Я их очень мелко порвала, не прочтут. Господи, и как я сразу об этом листке не вспомнила...

Расправившись с листком, я почувствовала, что больше не могу сидеть на месте. Это вообще было не в моих правилах – пребывать в неведении и не знать, что будет дальше. Я стала метаться по кладовке, как бешеный зверь, и стучать ногой по грязным стенам.

– Что тебе не сидится! – донесся до меня раздраженный голос подруги.

– Не могу просто так сидеть. Меня то в холод, то в жар бросает. Даже голова под париком вспотела.

– Тогданими этом парик к чертовой матери! Сейчас он тебе меньше всего нужен.

– Как это я без парика, если у меня еще волосы не отросли?! Это все равно, что загорать без лифчика на пляже.

– Скажешь тоже, – отмахнулась подруга.

Я снова ударила ногой в стену и почувствовала, что провалилась в какое-то пространство. Не удержав равновесие, я грохнулась на пол.

– Тебя что, уже ноги не держат?

– Держат, только тут стена не совсем в порядке, тут есть какой-то ход.

Потерев ушибленную коленку, я поднялась и стала ощупывать стену. В стене оказалась небольшая дверца. Видимо, махая ногами, я нечаянно открыла ее.

– Милка, я открыла какую-то дверцу, – задыхаясь, проговорила я.

– Какую еще дверцу?

– Хорошо сидеть, вставай, вместе посмотрим. Ты же у нас дерешься, как Рембо, значит, и впереди должна идти ты.

– Нашла крайнюю, – проворчала подруга, но все же поднялась и подошла к открытой двери.

– Прямо чертовщина какая-то. Не нравится мне все это...

Она тяжело задышала и ухватилась за мою руку.

– А мне даже очень нравится. Может, через эту дверь мы и выберемся.

– А вдруг там тупик?

– Ну хотя бы попробовать надо!

Как я и предполагала, бесстрашная Мила полезла первой. Дверца была не больше окошка, поэтому лезть приходилось на четвереньках, согнувшись в три погибели. Мы очутились во второй темной комнате.

– Был бы у нас фонарик... – прошептала я.

– У нас бы не только фонарик был, но и пистолет, если бы ты себя нормально вела, – сердито отозвалась подруга. – Не дом, а какой-то склеп. С виду нормальная дачка, вполне рабоче-крестьянская... А внутри сплошные лабиринты.

Я медленно шла рядом с Милой, не выпуская ее руку из своей, и чувствовала, как сжимается мое сердце.

– Тебе страшно? – подавляя собственный страх, спросила я.

– Конечно. Ты думаешь, мне никогда не бывает страшно?

– Не знаю... У тебя такая работа...

– Это не играет никакой роли. Любому бывает страшно. У меня вообще психика расшатана. Я почти каждый день под пулями. Рискую своей жизнью ради совершенно чужого человека, который иногда так из себя выведет, что хочется заехать ему в ухо.

– Я думала, ты вообще ничего не боишься.

– Я мышей боюсь и крыс тоже. Сердцем чувствую, что их здесь полно. Повсюду скрежет слышится.

Скоро мы убедились, что эта комната не имеет второго выхода. Пахло здесь еще более скверно. Я с трудом сдерживала приступы рвоты.

– Если мы сейчас отсюда не уйдем, я не выдержу. Пошли отсюда поскорее.

– Тут где-то покойник, – не обращая внимания на мою жалобу, сказала Мила. – Это трупный запах, я не могу ошибиться.

– Какой это запах?

– Трупный. Глухая, что ли?

– Ты хочешь сказать, что где-то тут лежит труп?!

– Не знаю. Но в помещении трупный запах.

И тут мы наткнулись на что-то лежащее у самой стены.

– Мила, что это? – заикаясь, спросила я.

Сев на корточки, она потрогала странный предмет.

– Это труп.

– Что?!

– Труп женщины.

Мне показалось, что я схожу с ума. Еще немного, и я просто потеряю сознание.

– Это труп женщины, – повторила перепуганная не меньше, чем я, подруга.

– А откуда ты знаешь, что это женский труп?

– На ней юбка.

– Юбка?!

– Да, только труп черви уже почти съели.

– Черви?! Какие еще черви?!

– Ну какие? Трупные...

Схватившись за голову, я издала пронзительный крик и бросилась искать выход из этой комнаты. Как только мне удалось найти дверцу, прошмыгнула в первую комнату, упала на пол и заревела. Следом за мной вернулась Мила. Плотнo закрыв потайную дверь, она села рядом со мной и погладила меня по плечу:

– Давай заканчивай реветь. Ты что, трупов никогда не видела? Я трупов не боюсь. Бояться нужно живых, а не мертвых. Жизнь научила меня сдерживать эмоции. Раньше я такой же размазней была. Помню, когда мать умерла, я испугалась, совершенно не знала, что делать. Стою посреди улицы, реву. Люди проходят, бросают в мою сторону безразличные взгляды, ни одна сволочь не подошла, никто не спросил, что у меня случилось. Понимаешь, никому нет никакого дела. У каждого свои проблемы. А я ведь осталась совсем одна, отец еще раньше скончался. В кармане ни гроша, а в пустую квартиру даже зайти страшно. Я ведь тогда специально на улицу вышла... Думаю, вокруг люди. Они поймут и помогут. Мне ведь не много нужно было. Обыкновенное человеческое участие, и только. Хотелось, чтобы кто-то за плечи обнял, сказал доброе слово... Я тогда пошла куда глаза глядят и поняла одну простую истину – в этой жизни мне надеяться не на кого, кроме себя самой. Теперь ни одна собака не узнает, что творится у меня на душе. Ни одна... А покойников ты зря боишься. Это я тебе говорю. В нашей школе телохранителей знаешь сколько народу погибло... Работа у нас такая – за других своей жизнью рисковать. Я не одного друга и не одну подругу похоронила... Так что, я с мертвыми на «ты».

Мила замолчала. Я немного успокоилась и спросила:

– Слушай, а кто убил эту женщину? Почему она там лежит?

– Этого я не знаю, я же не частный детектив и никогда им не была.

– Я просто подумала, почему ее в землю не закопали или в реку не скинули. – Опыт у этих сволочей имеется... Почему от одних трупов избавляются, а другие прячут прямо там, где живут.

– Это и в самом деле странно. Зачем эту женщину в подвале держать, ведь такой запах разносится. – Мила встала и сделала несколько кругов по комнате. – Ну и поездочка у нас с тобой получилась. Пистолета нет, время пропало даром и еще неизвестно, чем все это закончится. И какого черта я пошла на эту авантюру...

– Ты жалеешь?

– Ну, а ты как думаешь?

– Значит, жалеешь. Но я ведь не знала, что так получится. Думала выкопаем шкатулку – и все. Эта дача принадлежит Костиному отцу...

Я рассказала Миле обо всем, что произошло между мной и Костей на больничном балконе. Мила дослушала меня до конца и ни разу не перебила. Когда я закончила свой сумбурный рассказ, она встала и ударила кулаком в стену.

– Ну почему ты мне сразу не рассказала?

– А что это могло изменить?

– А ты что, сразу не могла догадаться, к чему может привести эта поездка?!

– Не могла, – растерянно повела я плечами.

– Ну ты даешь! Я думала, ты хоть немного сообразительнее. Я с первого взгляда поняла, что Костин отец – законченный мафиози, к таким, как он, доверия нет. По нему сразу все видно: холеный гусь, морда хитрая, а что у него на уме, одному Богу известно. Если бы я знала, откуда ветер дует, никогда бы не согласилась на эту авантюру.

– Но откуда я могла знать, что на этой даче трупы валяются да убийцы греются?!

– А тут и знать нечего. Если бы ты рассказала мне эту историю сразу, то я бы тебе спокойно объяснила, что никакой шкатулки тут нет.

– Как это нет?

– Молча. Нет и никогда не было.

– И с чего ты так решила?

– С того! Костя тебе это говорил почти при смерти. У него боли были страшные. Он на стуле не мог и пяти минут просидеть. Его папашка таскал сильные наркотики и давал медсестрам, чтобы они ему кололи. Наркотиков наколят, у него начинаются галлюцинации. Вот у него приход пошел, планка съехала, он и стал придумывать про какую-то любовницу. Он все это придумал, понимаешь? Помнишь тот вечер, когда нам сильно действующий наркотик вкололи? Мы с тобой тогда летающую тарелку увидели. Улавливаешь?

– Улавливаю... Ты хочешь сказать, что вся эта история не что иное, как болезненный бред Кости?

– Вот именно.

– Что-то мне в это с трудом верится. Мне кажется, что все, что говорил Костя, было самой настоящей правдой. Ты бы видела его глаза... Ты бы видела, каким он был искренним...

– Представляю. Только жалко, что ты не видела, сколько наркотиков ему перед этим вкололи. Господи, и в кого ты такая доверчивая!

Наступила пауза. Я достала платок, вытерла лицо и стала прислушиваться. Конечно, я не верила, что покойники могут оживать и приносить какое-то зло, но сидеть в темноте, зная, что где-то рядом умершая женщина, дело, скажем прямо, просто отвратительное.

Тишина угнетала еще больше.

– Мил, а как ты думаешь, эту женщину убили или она сама умерла? – заговорила я.

Мой вопрос был ужасно нелепым, но я задала его потому, что мне было невыносимо сидеть в этой тишине, хотелось услышать спокойный голос подруги.

– Ее убили выстрелом в голову, – ответила Мила.

– Откуда ты знаешь?

– У нее во лбу пулевое отверстие. Она умерла сразу, даже не мучилась.

– Но ведь там темно. Как ты могла это увидеть?

– Элементарно, я случайно на него наткнулась!

– Ты потрогала ее лоб?!

– Так получилось...

– Ты потрогала руками покойника? – никак не могла успокоиться я.

– Я же тебе сказала, так получилось.

– Господи, тебе же нужно срочно помыть руки.

– Каким образом, если тут воды нет?! Что ты, в самом деле, запаниковала, словно маленькая девочка?

В этот момент входная дверь открылась, и на пороге появился один из мужчин. Если не ошибаюсь, это был тот, которого звали Сергеем. На мое лицо упала полоска света, мои глаза заслезились, слишком долго мы находились в полной темноте.

– Ну что, еще живы? – грубо окликнул он нас.

– А с чего мы должны быть мертвыми, – как всегда спокойно ответила Мила.

– Так пошли на выход, ежели живые.

Как только мы вышли в коридор, я заметила, Сергей был совершенно пьян, он едва держался на ногах.

– Давай, красавица, нитками шевели, а то идешь, как в штаны наложила. – Он толкнул меня пистолетом в бок.

Мы очутились в небольшой, ничем не примечательной комнате. Посередине стоял стол с нехитрой закуской и полупустой литровой бутылкой водки. Через минуту в комнату вошел второй тип – Саня. Он был не менее пьян.

– Выпить хотите? – Сергей.

– Мы не пьем, – покачала я головой.

– А курить?

– Мы не курим.

– А что вы тогда делаете? Только носитесь по чужим дачам с пистолетом и удостоверением частного охранника?

Ответа на заданный вопрос не последовало. Тогда Сергей подошел к столу и не выпуская пистолета из рук, налил стакан водки и протянул его мне:

– На, хлебни маленько и расслабься.

– Я не пью водку, – дрожащим голосом ответила я.

– Ну извини, шампанского у нас нет. Пей, говорят, а то я тебе сам в горло залью.

Я испугалась. Взяв стакан, я сделала несколько глотков и почувствовала чудовищный приступ рвоты. Прокашлявшись, я дотянулась до корочки хлеба и быстро поднесла ее к носу. Если не ошибаюсь, водку пьют именно так. Делают глоток и занюхивают корочкой хлеба. Перед глазами все поплыло, и чувство страха отступило. Что ж, в таком состоянии легче будет воспринимать происходящие события. Чужая дача, шкатулка, машина с трупом в багажнике, застреленная женщина в чулане... Если рассказать кому-нибудь – не поверят и отправят в психушку.

– Такая большая бабенка вымахала, а водку пить не научилась.

Мужчины заржали.

– Я вообще не пью крепкие напитки. Я крепче вина ничего не пробовала.

– Послушайте, молодые люди, – заговорила Мила. – Мало того что вы нас неизвестно где держите, так еще начинаете спаивать. Где ваш начальник?! Я хочу получить объяснения по поводу нашего задержания и требую вернуть мой пистолет.

– Так говоришь, будто адвоката требуешь, – захихикал Сергей, – Ты не в ментовке, а перед тобой не мусора. Сегодня начальства не будет. Начальству тоже отдыхать положено. На то оно и начальство, чтобы все его ждали. Придется потерпеть!

– Нам некогда ждать. Нам уже давным-давно пора быть дома. У нас мужья, дети.

– Ты чо здесь вздумала из себя семейную строить?! – разозлился тот, которого звали Саней. – Семейные бабы дома сидят, а не гарцуют по чужим дачам. Серега, меня эта овца уже утомила. А ну-ка налей ей выпить!

– Я не пью, – прошипела разозленная подруга.

– А тебя никто и не спрашивает.

– Повторяю, я не пью.

– А я повторяю, что тебя никто не спрашивает.

Сергей протянул Миле стакан. Мила взяла стакан и, не раздумывая, выплеснула ему прямо в лицо.

– Ты с первого раза вообще ничего не понимаешь?! – крикнула она. – Я не пью водку и никогда пить не буду!

– Ах ты сука охранная... – Сергей вытер лицо. – Ты чо, думаешь, ты самая борзая?!

Он нажал на курок. Тихо прозвучал выстрел. Как обыкновенный щелчок... Щелчок, который уносит жизнь и приносит ни с чем не сравнимое горе. Я застыла как парализованная, не веря в реальность происходящего. Остатки моих волос встали дыбом под париком. Мила тихонько всхлипнула и прислонилась к окну. На ее правом плече виднелась алая струйка крови, она увеличивалась каждую секунду. Мила мгновенно осунулась и побледнела, но продолжала улыбаться...

– Серега, ты чо наделал?! – растерянно воскликнул Саня. – На хрен тебе это мокрое дело?

– Эта сука сама выпросила. Я ей по-хорошему, а она артачится. Кто хочешь из себя выйдет. Жить будет, у нее просто плечо прострелено, зато теперь не будет выпендриваться.

Сергей взял бутылку, сделал несколько жадных глотков, потом швырнул ее о стену и громко рассмеялся. От этого чудовищного пьяного смеха мне снова стало невыносимо страшно, но, заметив, что подруге стало хуже, я взяла себя в руки. Достав из кармана платок, я попыталась остановить кровь.

– Мила, господи, ты живая? Скажи, тебе больно? – бормотала я, тихонько всхлипывая.

– Мне нужно в больницу, – прохрипела подруга. – Пуля в плече сидит, дышать тяжело. Так и загнуться можно...

– Вы слышали!!! – крикнула я, ударив кулаком по столу. – Вы слышали!!! Нужно срочно в больницу! Она теряет кровь! Ей нельзя! У нее организм ослаблен. Девушка на ваших глазах умирает, а вы водку жрете... Она ведь только что из больницы... Она такое пережила, что вам и не снилось. Она выжила чудом. Понимаете, чудом... Ее организм может не выдержать... Срочно в больницу... Это очень срочно!

– Какая к черту больница, – едва выговаривая слова, пробормотал Сергей, – в больнице сразу ментовку вызовут, мусора понаедут. Мне в тюрягу совсем не хочется. Очухается твоя подруга, ни хрена с ней не будет. Пусть водки выпьет, сразу легче станет.

На столе появилась новая литровая бутылка водки.

Мила громко застонала. Она побледнела еще больше. Я отчетливо понимала, что жизнь моей подруги в опасности, что на счету каждая минута, а может не только минута, но и секунда.

– Мила, ты только что-нибудь говори, не молчи. – Я заплакала навзрыд. – Ты скажи, что нужно сделать, я все сделаю. Давай я тебя перевяжу.

– Больно, – прошептала Мила и уронила голову на грудь.

– Где у вас бинты? – закричала я. – Она же кровь теряет! Понимаете, кровь...

Саня был более трезвым и хоть немного понимал, что происходит. Он разыскал бинт, и я стала перевязывать Милино плечо. Она очнулась, прикусила нижнюю губу и стойко сносила эту процедуру.

– Я знаю, тебе тяжело терпеть, – бормотала я, задыхаясь от жалости и вида крови. – Ты говори, не молчи, только не молчи... Можешь поплакать, покричать... Легче будет, вот увидишь.

Но Мила не издала ни звука. От этого становилось еще страшнее. Наложив повязку, я перевела дыхание, поправила съехавший на бок парик и решила попытаться поговорить с нашими стражами.

– Мальчики, мне кажется, самое время отпустить нас домой. По-моему, вы и так натворили много глупостей. Миле помощь нужна. Пулю срочно достать надо, возможно заражение, с этим не шутят. Она только что из больницы вышла, оклемалась. А насчет вас мы никому не скажем. Вы не переживайте. Скажем, какой-то пьяный нас ночью в лесу встретил и выстрелил, а мы даже его лица не разглядели.

– Я хочу, чтобы эта сука выпила водки, – перебил меня Сергей.

– Она не пьет водку.

– А ты заткнись, тебя никто не спрашивает. Ты уже свою порцию выпила. Ты, охранница хренова, будешь пить со мной водку или тебе запахло?!

Мила словно опомнилась ото сна, подняла голову и пристально посмотрела на Сергея. Выражение ее лица не предвещало ничего хорошего. Испугавшись за подругу, я взяла ее руку и жалобно попросила:

– Мила, ну сделай глоточек. Пусть он отцепится. Ты же видишь, он в стельку пьяный, а с пьяными спорить бесполезно. Он невменяемый. Сделай глоток, от тебя не убудет.

– Я не пью водку, – замотала головой Мила. – А уж тем более с такими дешевыми мужиками, как этот. Всегда ненавидела такое общество: дешевые мужики и дешевая водка.

Сергей в ярости вскочил и выстрелил Миле во второе плечо. Мила не успела даже вскрикнуть, закатила глаза и потеряла сознание. Я громко закричала.

– Серега, ты чо творишь? – засуетился Саня. – Она ведь сейчас на тот свет отправится. Тебе по пьяни вообще нельзя пистолет держать. Дай его сюда, а то ведь ты в натуре сейчас девку убьешь...

– Если она ещё хоть одно слово произнесет, я ее бошку прострелю. Упертая тварь! – промышчал Сергей.

Я смотрела на еле дышащую подругу и понимала, что могу потерять ее навсегда... Она столько натерпелась в жизни, а теперь принимала такую тяжелую смерть... Мила очень рано осталась одна и научилась жить, не боясь одиночества... Наверно, нас сблизило то, что мы были похожи. Подобное притягивается подобным. Разница только в том, что за время замужества мне довелось испытать одиночество вдвоем. Я помнила звенящую тишину, когда приходилось ждать заблудшего мужа, свои одинокие рыдания на кухне в те часы, когда спал мой сын. Мила несла в себе какой-то необъяснимый свет, с ней было легко и надежно. Неожиданно она подняла голову.

– Мила, ты живая? – бросилась я к ней.

– Вроде бы да, – с трудом выговорила подруга.

– Если живая, то выпей водки, – усмехнулся в стельку пьяный, ничего не соображающий Сергей.

– Вика, ну почему этот идиот до сих пор не понял, что я не пью водку, – задыхаясь, произнесла Мила и вновь потеряла сознание.

– Потому что у него плохо с мозгами! Потому что его родители такие же алкоголики, как и он сам, потому что он редкостная сволочь! Просто не понимаю, как его земля носит! – прокричала я.

– Будешь орать, щас и тебе достанется. – Сергей посмотрел на меня одуревшими от водки глазами и снял пистолет с предохранителя.

Ситуацию спас Саня. Он отобрал пистолет и спрятал в карман.

– Ты давай тут заканчивай палить по пьяной лавочке. Скоро шеф подъедет, он нам приказа на это мокрое дело не давал. Велено было запереть девок и ждать его приезда. И чего тебе неймется. Хотел девок подпоить и потрахаться? Тебе что, твоя баба не дает, что ли?!

– Мне-то моя дает. Она покладистее этой суки. А на приказы я плевал. Если она сейчас водки не выпьет, я ее замочу, меня даже ты не остановишь.

– Ты хоть понимаешь, что тебе за это будет?! Тебе давно надо было вшиться. Забыл, как ты в прошлый раз по пьяни на машине рассекал и молодую девчонку на остановке сбил?! Короткая же у тебя память! Может тебе напомнить, как тебя главный из тюрьмы вытащил, как ты на коленях стоял и клялся, что больше никогда пить не будешь?! Этой девчонке всего пятнадцать было.

– Я знаю, что делаю. Гордость не только у этой охранный шлюхи есть, у меня тоже.

– Но ведь мы даже не знаем, кого она охраняет! У нас проблем может быть выше крыши!

– Не будет у нас никаких проблем. – Сергей посмотрел на Милу, а затем перевел взгляд на меня. – Вообще никаких проблем не будет. Мы сейчас этих девок замочим и в реку скинем. Главному скажем, что мы их еще ночью проверили и отпустили. Мол, они к этой даче никакого отношения не имеют.

Сергей опустил голову на стол, похоже, задремал.

Надо было немедленно что-то предпринимать.

– Саня, – тихо заговорила я, – ты здесь единственный здравомыслящий человек, не смей слушать этого алкоголика. Нас нельзя убивать. Нам нужно помочь. Подруга может умереть. Она теряет слишком много крови. Давай отвезем ее в больницу. Ради всех святых, помощи. Если ты сейчас спасешь жизнь ни в чем не повинной девушки, то Бог отпустит тебе твои прошлые грехи.

Видимо, мои слова как-то подействовали на твердолобого Саню. Он почесал в затылке и задумался. Я решила продолжить свое наступление:

– Нельзя медлить ни минуты. Она может умереть в любой момент. А милиции тебе бояться нечего. Мы на эту дачу попали случайно. Никто не знает о том, что с нами здесь случилось. Я же тебе сказала, чтобы ты не думал о милиции. Никто ничего не узнает. Ты только помощи довезти ее до больницы.

– Ну Серега, ну и придурок, – покачал головой Саня. – Нарубил дров, а мне теперь расхлебывать. Я что, крайний, что ли? Я уже замучился отвечать за твои пьяные проделки.

Сергей попытался приподнять пьяную голову, но это ему не удалось.

Я посмотрела на Милу и ужаснулась. Она совсем позеленела, стала похожа на покойницу. И все же она дышала... Я не хотела ее потерять. Нас многое связывало, мы слишком многое пережили вместе. Она была единственным человеком, который знал, какую цену я заплатила за то, чтобы надеть парик, выйти на улицу и посмотреть на летнее солнышко... Она понимала меня, как никто другой... Она сама прошла через все круги ада и знает цену обыкновенной человеческой жизни. Вернее, необыкновенной, человеческая жизнь необыкновенная сама по себе. Встав, я схватила пустую бутылку и ударила Сергея по голове. Он рухнул на пол. Думаю, он не чувствовал никакой боли, пьяные вообще ничего не чувствуют. Они как зомби.

– И бить-то как следует не умеешь, – усмехнулся Саня.

Я опустилась перед Саней на колени, схватила за руку и заголосила:

– Помоги мне донести ее до машины, пока этот придурок не очухался, помоги, пожалуйста, скорее!

– Между прочим этот придурок – мой друг, не забывайся, – огрызнулся Саня.

– А эта истекающая кровью девушка – моя подруга.

– Я не могу, я вообще не знаю, что делать. Вот шеф приедет и все скажет. Я не могу принимать никаких самостоятельных решений. Не я же в нее стрелял.

– А когда он приедет?

– Может быть, утром, а может, и позже. Он сейчас с любовницей отдыхает, его тревожить нельзя.

– Но ведь бывают какие-то экстренные случаи?!

– Это не тот случай, когда его можно тревожить.

– По-твоему, смерть человека совсем ничего не значит?!

– Что ты ко мне прицепилась? Не могу я ему позвонить, он отключил свой мобильный.

– Тогда ты должен принять решение сам.

– Не могу, не имею на это права.

– Да что ты заладил, как попугай – не могу да не могу?! Когда ты сможешь, будет поздно. Ладно, оставайся здесь. Я сама дотащу ее до машины. А с тобой мы никогда не виделись и друг друга не знаем.

– Я тебя не пушу.

– Почему?!

– Потому что не могу.

– А что ты вообще можешь?!

Мила вновь застонала.

– Принеси еще бинты! Что ты сидишь, как истукан, делай, что говорю! – прикрикнула я, размазывая по щекам слезы.

Саня, не торопясь, пошел в другую комнату.

Мила открыла глаза и облизала пересохшие губы.

– Беги, быстрее беги. Ты еще можешь спастись.

– А ты? Я не могу тебя оставить, – покачала я головой.

– Мне уже ничего не поможет, а следом за мной они убьют и тебя. Это же конченные отморозки, разве ты не видишь...

– Ты только держись, ты должна жить, ведь ты же такая сильная, – заговорила я, глотая слезы. – Ты самая сильная, ты же сама это знаешь.

– Беги, – вновь прохрипела подруга. – Ты сможешь позвать на помощь. Ну, уходи, он сейчас вернется.

Мила вновь потеряла сознание.

– Милочка, родненькая, ты только держись. Я быстро, туда и обратно. Нам помогут. Нам обязательно помогут, – лихорадочно шептала я, поправляя парик.

Выбежав на веранду, я толкнула входную дверь и облегченно вздохнула – она была не заперта. В секунду я оказалась за калиткой. Мне хотелось кричать на весь дачный поселок, разбудить заспанных соседей, но я не стала этого делать. Я прекрасно понимала, что глубокой ночью мало кто решится выйти из дома. Сейчас время такое – почти все живут по принципу: моя хата с краю, ничего не знаю. Да и что могут сделать безоружные люди против двух головорезов с пистолетом? Ответ напрашивался сам – ничего. Добежав до своей машины, я села за руль и быстро завела мотор. Перед глазами стояла умирающая Мила. Я должна была ей помочь любой ценой, но я не знала, успею ли я это сделать. На переднем сиденье лежала ее открытая сумочка, из которой виднелась тоненькая записная книжечка. Я быстро нашла телефон ее шефа, понимая, что это единственный человек, который может сейчас выручить нас. Мне нужно доехать до ближайшего автомата и слезно молить о помощи. А может быть, позвонить в милицию? Это тоже вариант, хотя я никогда не доверяла нашим правоохранительным органам.

Машина неслась по пустынной дороге. Крепко вцепившись в руль, я смотрела вперед и спрашивала себя – почему в тяжелых испытаниях одни становятся свиньями, а другие святыми? Почему одни сеют вокруг себя гнев и злобу, а другие дарят тепло, отдают всю душу? Почему одни пытаются согнуть мир под себя, а другие меняют свое отношение к происходящему?

На противоположной стороне дороги я увидела джип моего любимого ярко-красного цвета. Я притормозила. В салоне горел свет, за рулем дремал какой-то мужчина. «Если есть джип, значит, должен быть и сотовый телефон», – пронеслось у меня в голове. Сейчас с сотовыми телефонами даже в трамваях ездят, а уж на таком джипе... Выключив мотор, я выскочила из машины, не забыв прихватить Милину записную книжку, и побежала через дорогу. Я постучала в окно джипа, но ответа не последовало. По всей вероятности, мужчина очень крепко спал. Постучав сильнее, я сжала кулаки и громко закричала:

– Будьте добры, позвольте воспользоваться вашим сотовым телефоном! Я его долго не займу, буквально минуту!

Мужчина поднял голову и удивленно посмотрел на меня. Я ахнула – его шея была замотана окровавленным полотенцем. Он был очень красив и очень бледен. Приоткрыв окно, он дыхнул на меня сильным перегаром и еле слышно спросил:

– Что тебе надо?

От неожиданности я уронила записную книжку, нагнулась, чтобы ее поднять, и парик свалился с моей головы.

– Мне нужен сотовый телефон, – сказала я, пристраивая парик на голове. – Надеюсь, он у вас есть...

– Зачем тебе парик? – Мужчина словно не услышал мой вопрос.

– Затем, что я тяжело болела и у меня выпало много волос.

– Ты и без парика красивая.

– Я знаю, только я пока без парика ходить не могу.

Не отрывая глаз от окровавленного полотенца на мощной шее мужчины, я несмело заговорила:

– Вижу, у вас неприятности... У меня тоже... Понимаете, мне необходимо воспользоваться вашим сотовым телефоном. Я бы могла заплатить за связь...

– У тебя что, денег много?

– Нет. У меня сейчас вообще с деньгами напряженка... Но мне очень нужно, и срочно, я тороплюсь.

– Я тоже торопился, только, как видишь, никуда не доехал.

Мужчина полез в карман и протянул мне телефон.

– Вы даже не представляете, как я вам благодарна, – уже намного увереннее сказала я, набирая номер Милиного босса. – Я как чувствовала, что мне рядом с вашим джипом остановиться нужно. Не может же мужчина на такой красивой машине не иметь телефон.

Телефон глухо молчал.

– Послушайте, что вы мне голову морочите? У вас вообще никаких гудков нет. Может, он у вас как-то по-особому включается?

Мужчина взял трубку и стал нажимать на кнопки. Затем бросил телефон на заднее сиденье и злобно проговорил:

– Вот черт, деньги закончились. Думал, на счету хоть что-то осталось, а оказывается, ни хрена.

– Досадно, – в сердцах произнесла я. – Нужно телефон оплачивать вовремя, тогда и проблем не будет.

– Откуда я знал, что у меня на лицевом счету пусто, – как бы оправдываясь, произнес мужчина.

– Заглядывать нужно в лицевой счет. Хоть иногда прозванивать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.